

Читайте:

4 Григорий ЛАЗАРЕВ:
Орловский след	16 Татьяна ОЗЕРИНА:
Палитра бытия
8 Александр СУХАЧЁВ:
«Черчилль» первым ворвался в Орёл	20 Валерий АНИШКИН:
Студент
10 Владимир САМАРИН:
Даждь нам днесь...	26 Ольга МИГУНОВА:
Ученица Мессинга
12 Геннадий МАЙОРОВ:
Юбиляр	28 Александр ФЕДОТОВ:
Тайна древнего кургана

**Орловское региональное отделение Союза российских писателей,
Департамент образования Орловской области,
областное управление культуры и Среднерусский институт управления
(филиал РАНХиГС) проводят открытый литературный конкурс
«Вернись на родину, душа!»,
посвящённый 150-летию со дня рождения И.А. Бунина**

Условия литературного конкурса
опубликованы на сайте:
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д.27, пом. 9

Главный редактор: Е.Н. ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

*Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).*

№06' февраль 2020 Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: ON-0307@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ
Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 10.02.2019 г. Выход в свет: с 10.02.2019 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №06-НО+
Цена свободная

16+

Григорий ЛАЗАРЕВ,
заслуженный работник культуры РФ,
член Союза журналистов России

15 января 2020 года исполнилось
225 лет со дня рождения
А.С. Грибоедова (1795 – 1829)

ОРЛОВСКИЙ СЯЗД

Осенью 2018 года я писал о том как принимал активное участие в создании парка имени А.С. Грибоедова в липецком селе Полевые Локотцы, которое находится всего в пяти километрах от посёлка Ключики Краснозоренского района Орловской области. До революции это селение (Дмитриевское) значилось в Ефремовском уезде Тульской губернии. С 1937 года до 1954 года оно входило в состав Орловской области. Знаменито село прежде всего тем, что летом 1823 года здесь, в имении своего друга Степана Никитича Бегичева, поэт и драматург Александр Сергеевич Грибоедов написал черне 3-е и 4-е действия своей бессмертной комедии «Горе от ума». Ещё в Полевых Локотцах бывали родной брат хозяина усадьбы писатель и государственный деятель Дмитрий Никитич Бегичев вместе с женой Александрой Васильевной, в девичестве Давыдовой, – младшей сестрой героя Отечественной войны 1812 года поэта Д.В. Давыдова. Это, так сказать, предыстория к новому разговору о Грибоедове.

К родной сестре!

Готовя материал к 225-летию со дня рождения дипломата, поэта, музыканта и драматурга Александра Сергеевича Грибоедова, я неожиданно обнаружил следы его пребывания на нашей реке Зуше в верхнем её течении...

У Александра Грибоедова была единственная сестра – Мария Сергеевна, старше него на три. С детства брат и сестра были очень дружны. Особенно их сближала любовь к музыке. Александр боготворил свою сестру...

«...Две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра. Я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах», – писал Грибоедов из Петербурга в июне 1824 года своему близкому другу Степану Никитичу Бегичеву.

В 1826 году Мария Сергеевна вышла замуж за отставного поручика Алексея Михайловича Дурново. Поселились они в усадьбе мужа в селе Спасское-Кривцово, в 36 верстах от уездного города Черни, на правом пологом берегу Зуши, почти у самого истока этой реки. Помещик А.М. Дурново слыл человеком всесторонне развитым и образованным для своего времени. Несколько лет подряд он являлся почетным попечителем Тульской мужской гимназии.

В начале лета 1828 года у четы Дурново родился сын. Его назвали Александром в честь уже знаменитого дяди новорождённого. На семейном совете было решено, что крёстным отцом младенца непременно должен стать Александр Сергеевич Грибоедов.

Приглашая младшего кровника к себе в гости, Мария Сергеевна писала брату: «Твоё последнее письмо нас совершенно осчастливило. Люби дорогого Александра (сын Марии Сергеевны. – Прим. авт.), и если ему суждено жить, то я употреблю все средства, чтобы сделать его достойным твоей любви. Сердце моё обливается кровью при мысли о твоём отъезде. (Грибоедов отправлялся в Персию. – Прим. авт.) Зачем должны мы жить всегда вдали друг от друга?.. Муж мой тебя обожает: единственное его желание – видеть тебя с нами. Надобно видеть, как каждая строка твоего письма его трогает и восхищает. Для нас было бы величайшим сча-

стьем – видеть между нами нашего обожаемого брата...».

В конце этого письма следовала приписка А.М. Дурново. «Любезный друг и брат, – обращался он к Грибоедову, – всегда с восторгом получаю твои письма, последнее тем более восхитило меня... Ради Бога, приезжай поскорее, мы с Машей считаем все минуты и часы».

6 июня 1828 года Грибоедов с большой неохотой и с мрачными предчувствиями, как позже отмечали его друзья, отправился из Петербурга к месту своей службы – в Персию, куда был назначен послом. Заезжая в Москву, свиделся с матерью, а 13 июня Александр Сергеевич был уже в Туле. С 14 по 16 июня Грибоедов находился в имении у своего друга Степана Бегичева. (Скорее всего, это село Екатерининское. – Прим. авт.)

Как писал замечательный чернский краевед Василий Новиков, в Спасское-Кривцово Александр Сергеевич приехал вместе с Бегичевым 16 июня 1828 года. Два дня, которые Александр Сергеевич гостил у сестры, пролетели скоротечно. И вот он вновь в дороге. Из Новочеркасска 24 июня 1828 года Грибоедов сообщал своему другу поэту А.А. Жандру: «Любезный Андрей... Двое суток пробыл я у матушки, двое у Степана, с которым много о тебе толковал. Он надеялся, что ты вместе со мною его посетишь. Но вышло иначе, я и сам блеснул, как зарница перед ночью, посадил с собою Степана и покатились к сестре».

Далее Грибоедов рассказывает: «Она (сестра) с мужем Бог знает в какой глуши, капусту сажит, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великий химик, садовник, музыкант, успешно... делает... сахар из свёклы».

В письме Александр Сергеевич говорит и о том, что он стал восприемником своего племянника: «Сашку я, наконец, всполоснул торжественно, по-христиански. Что за фигура: точно лягушка...».

В этом же послании он сообщает и о сельской церкви, в которой, скорее всего, побывал, когда совершался обряд крещения младенца. Александр Сергеевич шутит над местным священником, «который не отличает персиян от турок».

*В Чернском районном историко-краеведческом музее
им. Н.А. Вознесенского находится картина Н.Н. Пластова
«Приезд А.С. Грибоедова в село Спасское-Кривцово Чернского уезда»*

Несколько слов о Спасском Старо-Преображенском храме. Его построил в 1792 году полковник А.Д. Дурново. Церковь, кроме основного Преображенского, имела ещё два алтаря. Правый – во имя преподобного Сергия Радонежского, и левый – во имя Святителя Алексия Митрополита Московского.

В 1820 году иконостасы названных алтарей заменили новыми. Главный – на средства поручика Александра Афанасьевича Кривцова, а последние два – тщанием помещика Алексея Михайловича Дурново...

Чернский уезд и Зуша

Считаю необходимым сказать несколько слов о Чернском уезде и реке Зуше, на берегу которой располагается село Спасское-Кривцово.

Город Чернь (ныне посёлок городского типа. – Прим. авт.) с уездом с 1719 по 1732 гг. входил в состав Орловской провинции Киевской губернии.

С 1732 года его территория также значилась в Орловской провинции, только теперь Белгородской губернии.

С 1777 года уезд был прописан в Тульском наместничестве. После образования Тульской губернии в 1796 году часть уездной территории отошла к Новосильскому уезду.

Как уже было сказано, Спасское-Кривцово расположено у истока Зуши, находящегося в Тепло-Огарёвском районе Тульской области у деревни Большое Минино. В Орловской

области Зуша протекает через территории Корсаковского, Новосильского и Мценского районов Орловской области. Впадает в реку Оку у деревни Городище на границе с Болховским районом.

Эта водная артерия имеет в длину 234 километра, из них 215 – в пределах Орловщины.

Село, в котором в 1828 году побывал А.С. Грибоедов, находится от Корсаково, центра одноимённого района Орловской области, всего в 14 километрах к северу.

Ныне в Спасском-Кривцово Чернского района нет ни школы, ни церкви. И домиков осталось всего с десяток...

Биограф от Бога

11 февраля (новый стиль) 1829 года Александр Сергеевич Грибоедов трагически погиб в Персии.

Так уж получилось, что его биографом стал человек, имевший прямое отношение к нашей Орловщине – это Дмитрий Александрович Смирнов (1819–1866).

Дмитрий Смирнов родился в дворянской семье, в родовом имении Сущево Владимирской губернии, в семи верстах от города Владимира. Это поместье было куплено в 1802 году его бабушкой по матери Натальей Фёдоровной Лачиновой (урождённой Грибоедовой) у секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова – отца драматурга.

Забегая вперёд, замечу, что Дмитрий Александрович, представляясь очередному знакомому, всякий раз говори-

вал с гордостью, что он племянник Александра Грибоедова.

После окончания Московского университета, в апреле 1842 года, Смирнов поступил на службу в канцелярию Орловского губернатора (в то время им был Пётр Иванович Трубецкой, сменивший Н.В. Васильчикова. – Прим. авт.).

Во многих документах того времени говорится, что вскоре Д.А. Смирнов был откомандирован в распоряжение сенатора, ревизовавшего Орловскую и Калужскую губернии.

Мне пришлось немало потрудиться, прежде чем найти имя нового начальника Смирнова. Когда же отыскал, то удивился тому, насколько мир тесен: руководителем начинающего биографа Грибоедова оказался не кто иной, как наш старый знакомый – Дмитрий Никитич Бегичев, писатель, воронежский губернатор (1830–1836). Напомню, что это родной брат Степана Бегичева, сослуживец героя войны 1812 года Дениса Давыдова и его шурин, старый знакомый Александра Грибоедова.

Сенатор Бегичев и его секретарь Смирнов нашли многие «упущения» в деятельности Н.В. Васильчикова на посту начальника Орловской губернии. По их представлению даже было заведено дело...

С миру по нитке

Собирацию материалов для создания биографии Грибоедова и литературной истории «Горя от ума» Дмитрий Смирнов посвятил более 26 лет, начав его ещё в период обучения в университете. Ещё будучи мальчиком, он знал лично мать писателя, Анастасию Фёдоровну, а в 1840 году Дмитрий Александрович познакомился с его другом Степаном Никитичем Бегичевым. В доме же Бегичева он встретился и с доктором права Богданом Ивановичем Ионом, бывшим в течение 11 лет воспитателем Грибоедова.

Кроме биографических материалов, Смирнов собирал или списывал все доступные ему литературные произведения и письма Грибоедова. Так, посетив Степана Бегичева в 1857 году в его Екатерининском, Дмитрий Александрович снял копии всех посланий Грибоедова к нему. Подробно им была изучена рукопись «Горя от ума», хранившаяся у верного друга и представлявшая первоначальную редакцию комедии. Но самым важным приобретением биографа явилась большая переплетённая тетрадь черновых бумаг Грибоедова, которую поэт якобы забыл у Бегичева, проезжая полномочным «министром» в Персию в июне 1828 года. Тетрадь эту и рукопись трагедии-пародии «Дмитрий Донской» Степан Никитич подарил Д.А. Смирнову.

Мария Сергеевна Дурново, в свою очередь, передала биографу семейную реликвию. Вот что об этом писал сам Смирнов: «Родная сестра Грибоедова, Марья Сергеевна Дурново, зная, что желание издать когда-нибудь возможно полную книгу об Александре Сергеевиче составляет одну из главных моих целей, подарила мне «лучшую свою», как она выразилась, «драгоценность» – два подлинных, писанных акварелью, его портрета, 20 и 32 лет».

После гибели брата М.С. Дурново вместе с вдовой драматурга Н.А. Грибоедовой официально стала душеприказчицей (исполнителем завещания. – Прим авт.) А.С. Грибоедова. Об этом было объявлено в «Московских ведомостях» от 11 марта 1831 года.

Несколько писем прислала биографу и вдова писателя – Нина Александровна.

Журналы XIX века, в которых имеются сведения о А.С. Грибоедове. Они хранятся в Орловской областной библиотеке им. И.А. Бунина

В руках Д.А. Смирнова постепенно сосредоточился бесценный материал: рукописи Грибоедова и записи рассказов многочисленных друзей драматурга о его жизни. Но успел он опубликовать (в журнале «Русское слово», 1859. № 4–6.) лишь «Черновую тетрадь Грибоедова», подаренную ему Степаном Бегичевым.

После смерти Д.А. Смирнова была напечатана его большая статья «Биографические известия о Грибоедове». Остальные собранные им материалы появились во многих журналах того времени. Некоторая часть из них хранится в Орловской областной библиотеке им. И.А. Бунина.

Подводя итоги нашего разговора о последних днях пребывания Александра Сергеевича в России, хочу отметить, что 16 и 18 июня 1828 года стали судьбоносными в деле сохранения гениального наследия писателя. Посудите сами. Если бы Грибоедов не «забыл» свои черновики у своего друга С.Н. Бегичева, неизвестно, сохранились бы они в дальнейшем далеке в трагические дни февраля 1829 года?

Приезд Грибоедова на Зушу явился определяющим и в выборе его наследников.

Сохранилась выписка из протокола Чернского уездного суда, который «решительным определением своим 1832 г. августа 31-го числа согласно указов... к оставшемуся по смерти прописанного статского советника Александра Сергеева сына Грибоедова денежному капиталу, хранящемуся в С.-Петербургском опекунском совете, законными наследниками утвердил жену умершего господина Грибоедова Нину Александровну и родную сестру поручицу Марью Сергеевну дочь Грибоедову по мужу Дурново и если осталась по смерти господина Грибоедова книга комедия «Горе от ума», то она принадлежит господам Дурново и Грибоедовой».

То есть не столичный, не Тифлисский суды принимали такое важное решение, а всего-навсего провинциальный уездный суд!

От всей души благодарю сотрудников Чернского районного историко-краеведческого музея имени Н.А. Вознесенского за большую помощь, оказанную мне в написании этой статьи!

«ЧЕРЧИЛЛЬ» ПЕРВЫМ ВОРВАЛСЯ В ОРЁЛ

Пятнадцатое января 2006 года. Месяц назад мне исполнилось пятьдесят. Ночь. Палата горбольницы № 2 в городе Рубцовске. Днём в палате оживлённо, она наполняется пациентами с амбулаторной формой лечения. А вот ночью я остаюсь один. Один на один с бессонницей и невесёлыми мыслями. До этого мне лежать в больницах никогда не приходилось. Да и сейчас не собирался.

Просто какое-то смутное беспокойство начало меня слегка тревожить, вот я и пришёл в больницу. Врач – Марк Аронович Капулкин – после короткого разговора со мной отправил меня прямиком в палату, под капельницу. Инсульт.

И вот днём таблетки, уколы, системы, а ночью мысли. Иногда сны. Однажды мне привиделось, будто я нахожусь вместе с отцом, давно ушедшим, в каком-то месте, совершенно мне незнакомом. Утром лечащий врач особенно тщательно меня осматривал, что-то заподозрив. Мне и самому показалось, что я посетил Зазеркалье. Однако кризис миновал, но месяц в больнице, потом три на больничном не прошли зря. Звонок прозвучал.

С тех пор уже много воды утекло, я многое переосмыслил и за время нахождения на излечении, и после. Теперь точно понимаю, что мне в жизни повезло. Как бы избито фраза ни звучала, но мне действительно повезло – с роднёй; настолько разносторонние и неординарные люди меня с самого детства окружали, да и продолжают окружать.

Последние годы я часто бываю в Ново-Кусково, останавливаюсь всегда у Чернышовых, мы помногу разговариваем. Михаил Иванович – просто кладёшь мудрости, к тому же обладающий хорошей памятью. Он родился 29 декабря 1929 года в селе Ново-Кусково Новокузковского района Томского округа Сибирской губернии. В школу пошёл в 1937 году. Год совсем не простой, для многих – трагический.

В 1941 году ученики вместе со страной начинают хлебать лиху. А с 1942 года маленький Миша уже работает в колхозе «Комсомолец» на посевной, сенокосе, собирает колоски в поле. Пасёт овец. Но тот год выдался страшным. Фронт трещал по швам, страна надрывалась, отдавая армии всё, что могла, да и всё что не могла – тоже. В тылу голод. Есть нечего, кисель из перетёртой гнилой картошки, суп из жареной травы – вот такое немудрёное меню.

В общем, детства, в нашем нынешнем понимании, его поколение не знало. А может, это и было настоящее детство? Завидное, ведь без них страна бы и не сдюжила в самой

страшной войне в истории человечества. Геройское детство.

4 ноября 1946 года Президиумом Верховного Совета СССР за доблестный и самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны Михаил был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (удостоверение № 264171).

С фронта не вернулись 130 жителей Ново-Кусково. В середине войны пришла и похоронка на его брата, о котором и пойдёт речь в этом небольшом повествовании.

Николай Иванович Чернышов родился 5 января 1923 года в селе Ново-Кусково Новокузковского района Томского округа Сибирской губернии в крестьянской семье. Рос обычным деревенским парнем: добрым, спокойным, заботливым и отзывчивым. Сибирская порода. На таких до сих пор страна держится, на них всегда можно положиться, хоть в труде, хоть на войне.

Окончив семилетку, отправился в Томск обучаться шофёрскому делу. Отучился и был направлен работать в Тегульдетский район Томской области.

Когда началась война, он, недолго думая, «повзрослел», без затей приписав себе лишний годик, и отправился в военкомат. Его вместе с машиной охотно мобилизовали в армию.

Типичный поступок, может констатировать читатель. Понятно же, что любой так и поступил бы на его месте. Не соглашусь и попробую возразить. Когда я после армии пришёл работать на стройку мастером, мой старший прораб как раз сокрушался по другому поводу – его родители выправили ему год рождения в метриках. Сделали его моложе на три года. Афера, хоть и небольшая и вполне тоже понятная, прокатила. Но вот подошёл возраст выхода на пенсию, и упс, как сегодня говорят. Пришлось ему эти три года отрабатывать. Так что не любой поступал, как Николай Иванович, и не каждый так рвался на фронт Родину защищать.

Погрузили на платформы, эшелонами проследовали до Омска. Там Николай отучился на танкиста. В начале 1942 года полк был переброшен на Кавказ, где и состоялось его боевое крещение.

Немцы нас крепко били на всех фронтах, но, битые, мы всё равно лезли в драку, попутно набирались стратегического и тактического ума-разума. Учились отвечать. Нахлебавшись лиха от танковых ударов гитлеровцев, сами задумались о создании эффективных бронетанковых «кулаков».

В городе Горьком, где формировался 34-й отдельный гвардейский полк прорыва, один из наших «увесистых кулаков», Николай и оказался. Полк укомплектовали английскими танками «Черчилль». Их в полку насчитывалось двадцать одна штука. 21 марта 1943 года полк приступил к обучению и слаживанию.

Танк Николаю понравился. Может, он и не сильно маневренный, зато броня спокойно выдерживала попадания нескольких бронебойных снарядов без особого вреда для экипажа. Внутри «Черчилля» было намного просторнее, чем в наших танках.

Английский премьер-министр Уинстон Черчилль однажды высказался по поводу тэзки: «У танка «Черчилль» недостатков больше, чем у меня самого». Неплохой рекламный трюк. Да и машина в целом у англичан вышла неплохой.

13 июля 1943 года 34-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва прибыл на Брянский фронт. Командование объединило танковые части армии в одну группу. Танковой группе, имеющей в своём составе 45 танков, надлежало наступать с северо-востока на Орёл вместе с частями 380-й стрелковой дивизии. Все танки полка оснастили радиостанциями. Штатным расписанием предусматривалось назначение на должность командиров машин младших лейтенантов, но по факту эта должность замещалась и опытными сержантами. Таким вот образом Николай Иванович Чернышов стал командиром танка.

Уцелевшие танки «Черчилль» на улицах Орла

4 августа танкисты совершили последний марш-бросок к полю боя и ранним утром заняли исходные позиции для атаки на западной окраине деревни Мостки, в трёх километрах от города Орла.

Николай то ли не выспался, то ли вид горящего города подействовал на него удручающе, но вдруг смутное беспокойство исподволь вдруг проявилось. Он смотрел в бинокль на город, однако города не видел.

Он видел отчий дом в селе Ново-Кусково, что в Томской области. Накануне он получил сразу три письма оттуда: от родителей, от бабушки с дедушкой и от тёти. В общем, случился праздник. Он написал ответные письма, выслал маме денег. А вот сейчас ему так захотелось домой, так захотелось увидеться с родителями, с младшими братьями Мишей и Витей пройтись по деревенским улицам в танкистском обмундировании, удивить соседских девчонок...

Вспомнилось ему, как его младший брат Миша обварился кипятком, и пришлось нести его на перевязку в больницу, а это километра три.

«Чего это вдруг про кипятком? – насторожился он. – На

что мозг намекает? И меня нынче, что ли, ошпарить может?». Он помассировал глаза, встряхнулся, попробовал улыбнуться: «Интересно, перешли ли младшие братья в следующие классы?».

Братьев он уже давненько не видел. Впрочем, как и родителей. Сначала учился, потом работал, а когда началась война, его вместе с машиной «ЗИС» мобилизовали, отправили в Асино, где формировался эшелон. До погрузки оставалось несколько часов, и его отпустили повидаться с родными. Но накануне прошёл дождь, и лесная дорога раскисла. В одном из логов он застрял. Пока выбирался из грязи, пришло время возвращаться. Так и не довелось проститься с родными.

«Ну почему сразу проститься? Ведь я ещё живой...» – снова беспокоился Николай. «Пока живой» – теперь мозг не намекал, а уточнил.

Он посмотрел на часы, было 10:00. Тут же в наушниках прозвучал сигнал «К атаке!». Его «Черчилль» вместе с другими танками устремился к городу. Следом поднялась и пехота. Немцы к наступлению оказались готовы, их танки и противотанковые орудия тут же ожили, открыв массированный огонь с флангов и с фронта. Пехотинцы дружно залегли. Три наших танка загорелись, но танкисты упорно продолжали движение к восточным пригородам Орла. Без поддержки пехоты. Танк Чернышова одним из первых ворвался в оборонительные порядки противника и принялся утюжить траншеи и орудия гитлеровцев.

Затем танкисты «оседлали» железную дорогу Орёл – Елец и попробовали развить успех. Но безуспешно. Пехотинцы окончательно отстали, и на их помощь рассчитывать уже не приходилось. Гитлеровцы подожгли ещё несколько наших танков. Их сопротивление нарастало.

Тем не менее к вечеру танкисты достигли берега Оки в центре города, где заняли круговую оборону, и уже сами принялись отражать контратаки противника. А дождавшись пехотинцев, возобновили наступление.

5 августа в 2:30 на доме № 13 по ул. Сталина (ныне площадь Мира, дом 5) был водружён красный флаг – символ освобождения города. К сожалению, Николай Иванович Чернышов рассвет 5 августа 1943 года, когда город был полностью освобождён от немецко-фашистских захватчиков, не встретил. Он не сгорел в своём «Черчилле». Хотя немецкие гранатёры, забросав машину гранатами и бутылками с горючей смесью, подожгли танк. Он был убит автоматной очередью, когда уже покинул боевую машину.

Похоронили его в Первомайском сквере города Орла (сейчас это сквер Танкистов).

Конечно, слабое утешение, но это и для него тоже по приказу И.В. Сталина 5 августа 1943 года, в день его гибели, в Москве прогремел первый артиллерийский салют в честь побед Красной армии, освободившей Орёл и Белгород.

В память о павших героях над их братской могилой установили танк Т-70. Орудие танка обращено на запад, туда, где ещё предстояли тяжёлые бои с врагом. В 1963 году сквер реконструировали, танк Т-70 заменили на Т-34. На братской могиле установили гранитный монолит с именами погибших воинов.

В приказе по 3-й армии от 7 августа всем участвовавшим в штурме города Орла была объявлена благодарность. В четвёртом пункте этого приказа говорилось о том, что лиц, героически погибших в боях за город Орёл, необходимо

представить к правительственным наградам.

Однако на войне, как в отступлении, так и в наступлении, в штабах порой случается неразбериха. В любой армии, и наша здесь не исключение. Николая Ивановича забыли представить к награде. Не одного его забыли, но оттого обида за него не становится меньше. Какие могут быть обиды? Ведь его всё же наградили орденом Отечественной войны второй степени.

Да, наградили, но согласитесь, когда 06.04.1985 (номер записи 1522214506) наградили всех участников Великой Отечественной войны по факту участия – это одно, а когда, забыв про приказ, позабыли и про подвиг танкиста Николая Ивановича Чернышова – это совсем другое.

Разве можно уравнивать награду за подвиг танкиста, уничтожившего несколько орудий, пулемётов и солдат противника и героически погибшего, с наградой к юбилею, просто за участие в войне, при этом не важно где? По мне, так это разные награды должны быть.

При этом к самим ветеранам вопросов, конечно, нет. Они не сами себя награждали. Мелочь? Но такие мелочи помаленьку подтачивали народное сознание. Размывали границы между «быть» и «казаться».

После 1991 года пьедестал памятника изрядно подкорнали. В надписи «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость социалистической Родины» слово «социалистической» заменили на определение «нашей».

В статье я не стал публиковать фотографию танка-памятника в Орле. Там стоит танк Т-34-85, ещё одна историческая неправда, ведь в освобождении города он не мог участвовать просто потому, что появился в 1944 году.

Да и первым танком, ворвавшимся в Орёл, был «Черчилль», причём «Черчилль» сержанта Николая Ивановича Чернышова! «Черчилль», а никак не Т-34!

Однако понять мотивы штабистов довольно просто. Годом ранее – 19 мая 1942 года – вышло специальное постановление Главлита: «Запретить в печати опубликовывать какие бы то ни было данные и сведения об английских танках «Черчилль»». Запрет действовал и после войны. Первое упоминание в нашей печати тёзки английского премьера датируется 1978 годом.

1945 г. Орёл, сквер Танкистов

Вот так и вышло, что наверх ушёл «правильный» доклад о победе, достигнутой исключительно «правильными» танками.

Но! Но разве правда может быть неправильной?! Да, может, и мы в этом убедились. Ладно, танк не тот, а экипаж-то при чём? Экипаж-то правильный, наш экипаж, не английский! С экипажем просто перестраховались в суматохе. Думали, как бы, не называя танк, экипаж отметить. Думали недолго, да и позабыли и про танк, и про экипаж.

Впрочем, Бог им судья. Человеческой жизни не хватит, чтобы исправить все несправедливости на земле.

А если просто попробовать уложить на чаши весов доли братьев Чернышовых: на одну чашу – фронтовика Николая, на другую – малолетних, но уже тружеников тыла – Михаила и Виктора, как вы думаете, какая чаша перевесит?

С моей точки зрения, равновесие не нарушится. Одинаковые для страны доли. Николай защитил Отчизну, понятно, не один, Михаил и Виктор выросли и восстановили порушенное хозяйство страны, понятно, тоже не одни.

В заключение приведу ещё одно высказывание Уинстона Черчилля: «Успех – это способность шагать от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма». Великую Отечественную мы так и выиграли, шагая, вплоть до 1943 года, от одной катастрофы к другой. Но, погибая, веру в Победу не теряли.

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

ЭКОЛОГИЧНО?
ЕСЛИ ПРИРОДА ОТВЕТИТ ТЕМ ЖЕ...

Владимир САМАРИН

Даждь нам днесь...

От гостиницы Иордана бомбёжки оставили в натуральном виде угловое крыло. Одна из комнат второго этажа выходила на длинный с литым узорчатым ограждением балкон.

Регистратор-смотрительница, очень походившая на музейного экскурсовода, провела Щеглова наверх, в ту самую большую комнату с балконом.

– Здесь., – повела она рукой вокруг, – топим из подвала. Видите каминные печи в углах? Вы писатель, и удобства заслужили... Между прочим пятьдесят лет назад тут любил останавливаться Бунин. У него и рассказы про это есть...

Дмитрию Алексеевичу Щеглову первый день пребывания в Орле после рассказа смотрительницы показался значимым. Как странно складываются судьбы людей! Замечательный властитель русского слова оказывается в поздние годы своей жизни на чужой земле в занятом фашистами французском городе, но Бунин гордо держит звание русского писателя и не идёт на приманки-посулы врага – а его и после войны не издают на родине, называют «попутчиком». То же и в Орле: люди, не только духом, но и кровью защищавшие Отечество, вычеркнуты из памяти. Потому что их великий подвиг надо ещё кому-то доказывать...

Три года назад, сразу после освобождения города, военкор Щеглов (а в гражданском статусе – драматург) приезжал сюда, чтобы услышать правду из первых уст. И что? Главный врач подпольного госпиталя Смирнов был уже узником спецтюрьмы НКВД, директор краеведческого музея Орлова выслана в безвестность; не патриотами, а немецкими прихвостнями числятся Ставицкий, Челюскин, Шалимов, Головкин...

Тогда повезло встретиться с пережившими оккупацию орловцами, чья жизнь в военное лихолетье не укладывалась в строки биографии: бытие этих людей, брошенных на растерзание фашистскому зверю, больше походило на легенду, в которой никто не исполнял главных ролей – к подвигу побуждало состояние души.

Щеглову был знаком процесс трагического переливания героизма людей в драму жизни. Эти случаи были сложны для их воспроизведения на театральной сцене. Какими словами, мимикой лица, жестами можно показать и объяснить, почему главный врач подпольного госпиталя после освобождения города попадает в застенки НКВД? Кому было выгодно писать донос на патриота-священника отца Иоанна Маккавеева? Какая нужда заставляла высокопоставленного московского чекиста без следствия и суда называть своего орловского коллегу гнусным изменником?

Драматург Щеглов не рассчитывал, что во всём удастся докопаться до истины, но в командировку он захватил свой дневник офицера, который по дням, а иногда по часам фиксировал самые значимые события войны Отечественной. Вот почему, прежде чем отправиться для регистрации в военную комендатуру, раскрыл тетрадь и записал:

«29 ноября 1945 г. Орёл.

Города я не узнал. Вернее сказать – два с половиной года

назад Орла вообще не было. Расчищено большинство улиц, уже позвякивают трамваи. Длинные ещё очереди у продовольственных магазинов. Как мало мужчин! Если встречаешь взрослого – либо без ноги на костылях, либо без руки или двух рук... Особенно больно смотреть на муки «самоваров» – так в народе называют бойцов, лишившихся обеих ног и рук, передвигающихся на примитивных дощечках с колёсиками...».

Вера Алёшина ласточкой взлетела на второй этаж. В хирургическом отделении врачи и сёстры собирались на пятиминутку.

– Ты сегодня счастливая какая-то. Влюбилась что ли?

– Надя, у меня хорошее сообщение для хороших людей. Для тебя, Сырцева, например. Помнишь отца Ивана из Никитской церкви, который продукты для больницы в оккупацию организовывал? Он был арестован, следствие завели несправедливое. А теперь – смотри! – Вера передала Наде разворот газеты. На второй полосе было сообщение о награждении группы священнослужителей. В числе награждённых медалью «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» стояла фамилия митрофорного протоиерея, настоятеля Никитской церкви г. Орла Иоанна Маккавеева.

– И ещё, Надя, у меня новость...

– Опять хорошая? – Сырцева бросила благодарный взгляд на Веру.

– Вчера возле Рядов встретила знаешь с кем? С майором Щегловым, писателем!

– Он хоть узнал тебя?

– Конечно. И даже пригласил к себе...

– Куда – «к себе»?

– В гостиницу. Иордана бывшая...

– Ты не боишься? Одна?..

– И не одна совсем: во-первых, он тебя попросил «из-под земли достать», а ещё Рукановы придут, Шуметова... Ладно, договорим потом – завотделением идёт.

В заведении Иордана проживающим бесплатно отпускали по половнику жидкой овсяной каши и стакан чая без сахара. Дмитрию Алексеевичу для угощения гостей выдали целых три порции.

– По доброте душевной., – объясняла дежурная по этажу. – Не подумайте только, что мы начальников и писателей лучше кормим...

Из своего НЗ Щеглов добавил к столу банку тушёнки и несколько кусочков неровно поколотого сахара. Хлебом не разжился. Оказалось, с января не только на хлеб, но и на муку понизили нормы отпуска. Тем, у кого налицо были признаки дистрофии, выделяли в сутки 63 грамма крупы и 5 граммов муки. Небольшим это не полагалось.

Надя и Вера пришли с Надеждой Ивановной Рукановой. Старшая хирургическая сестра сразу извинилась за отсутствие супруга:

– Ему на сегодня свидание с братом Владимира Ивановича Турбина назначили. Алексей уже полгода в тюрьме.

– ЗА ЧТО ЕГО АРЕСТОВАЛИ? – Щеглов до шёпота понизил голос.

– Да за работу в конском обозе у немцев. Привлекли и работавших в оккупацию – актёров русского кукольного театра, сотрудников краеведческого музея, педагогов агрономической школы...

– При Шалимове ещё и пять храмов были открыты. Шли занятия в духовном училище. Поэтому и священников в НКВД вызывают, – добавила Вера.

Щеглов забыл о своём обеденном «пайке» – боялся пропустить хоть слово, но частенько вычёркивал только что записанное в блокнот.

– А чем жили люди? – Щеглов задал собеседникам давно мучавший его вопрос. – Говорят, что главным предметом торговли на появившихся в оккупацию рынках являлось имущество, которое не успела эвакуировать советская власть...

– А что? Надо было всё оставить немцам? – Вера отреагировала с нескрываемым раздражением.

– Тут дело непростое..., – подтвердила Надежда Ивановна. – Вы вот знаете такую песенку?

Коровушка – курома,
где твоя сторона?
Там твои детки
кушают котлетки.
Нам котлеток не дают,
всё собакам раздают...

– Да я и сам под эти слова с пальца божьих коровок запускал... – усмехнулся Щеглов.

– А в Орле теперь по-другому поют:

Коровушка-курома,
где твоя сторона?
Полети на небо,
принеси нам хлеба –
чёрного и белого,
только не горелого...

– После ухода наших войск из города, – объяснила Надежда Ивановна, – было отдано распоряжение – поджечь элеватор с огромными запасами зерна. Власти ушли – жители остались: пытались запастись горелым зерном – немцы не дали.

Из «Слова гражданина и рядового солдата»

Владимира Цветкова

Большая часть дней проходила без крошки пищи во рту. Я любил жевать ветки (летом – листья) липы, горьковатого, но заглушавшего голод клёна. Остатков круп нам хватило до февраля 1942-го; порой услышишь выстрел – и бежишь туда, чаще всего это немцы забавлялись стрельбой по воронам, кошкам, крысам. <...> Крысиный суп не отличался вкусом, мать его совсем не ела, заявив, что подобную мерзость она никогда в рот не возьмёт, но я приучал себя насильно поглощать белковые продукты.

После разгрузки двух вагонов цемента бригада Ивана Ивановича бессильно завалилась на начинающий зеленеть откос.

В конторке, где грузчикам выдавали талоны на продукты, Ивана Ивановича поджидал человек в модном пальто и шапке-москвке.

– Позвольте вас задержать, – притронулся он к шершавой ладони Карпова.

Иван Иванович хотел пожать руку незнакомца, но сообразил, что может вымазать ему одежду.

– Вы уж простите, что не даю отдышаться после работы. Я уезжаю сегодня в Москву. Через час с четвертью. Фамилия моя Щеглов, и я вот уже три года занимаюсь...

– Хотите восстановить справедливость! – опередил Щеглова Иван Иванович. Он уже видел не первого из тех, кто пытался отыскать правду-матку в перипетиях жизни людей в оккупации. Приезжали сразу после освобождения Орла журналисты из московских газет. Один военкор даже альбом оформил, посвящённый разрушенному Орлу. Альбом подарил краеведческому музею, поскольку публиковать фотографии из него не рискнула ни одна газета.

Иван Иванович угостил Щеглова своим знаменитым самосадом. Щеглов затянулся с удовольствием, но поспешил начать разговор:

– Мне известно, что вас, Иван Иванович, бесчестно исключили из партии...

– Почему бесчестно? Я действительно хотел вынести с мясокомбината порядочный кусок сала. Его у меня и обнаружили...

– Так это было сделано по особому сценарию. Вас ведь оставляли для подпольной работы?

– А как можно по-другому? Стажил – поймали, значит, правильно из ВКП исключили...

– Но разве это не обидно?

– Обидно за причину, по которой утверждали исключение в обкомовских кабинетах. Меня ведь из партии за воровство сала выгнали, а в бумаге обкома написали, что я не показал себя хорошим коммунистом в оккупации...

– Может стоит подать заявление в высшую инстанцию?

– Сталину? Так он за воровство не похвалит. Помните указ о колосках?

– А Турбин Алексей, которого вы проводывали, справедливо в тюрьме сидит?

– Сами судите: в немецком конном обозе, где он ветеринаром работал, почти всех лошадей под нож пустили. А конину большей частью в Русскую больницу передавали...

– А что он сделал не в пользу Советской власти?

– К немцам на работу поступил. Вот и вся вина...

– А Шалимова бургомистром кто, по вашему, рекомендовал немцам? – улыбнулся Щеглов

– Кто сделал – вам, человеку учёному, лучше знать. Писателю наши власти всё расскажут и всё покажут. Надо только угадать – где правда, а где так...

Почта войны

«Дорогие товарищи! Я, лётчик Синицин К.П., был сбит в районе Тросны и привезён в орловскую больницу с тяжёлым ранением. Год и два месяца я лечился в тылу у немцев. И мне хочется в этом моём письме выразить благодарность и чтобы узнали не только орловские жители, но знал весь Советский Союз, что в тылу врага были люди, преданные нашей родине, и вели работу на разгром фашистских извергов и на благо нашей родины. Это дорогие мне имена докторов Гусева Бориса Николаевича, Протопопова Сергея Павловича, фельдшера Руканова Ивана Григорьевича, старшей сестры Рукановой Надежды Ивановны, операционной сестры Веры Алёшиной, сестёр Шуметовой Марии, Сырцевой Надежды, санитарок Шуры Семёновой, Прасковьи Абашиной...».

Геннадий МАЙОРОВ

ЮБИЛЯР

День выдался солнечным, безветренным. Август ода-ривал нежной, приятно-тёплой погодой, но как бы напоминая о последних благодатных летних денёчках перед вторжением осенней распутицы. И обычные люди, давно усвоившие, что в этом мире надо полагаться только на себя, спешили насладиться подарком природы, впрок запастись тёплым настроением; многие горожане в выходные устре-млялись на дачные участки, чтобы побыстрее завершить сбор своего нехитрого урожая и заполнить закрома витаминной продукцией на зиму.

Николаю Ивановичу Дубовицкому спешить было не-куда. Он не имел дачи и вообще привык жить за казённый счёт, довольствуясь только тем, что положено ему по зако-ну, по инструкции. А его, офицера спецслужб, безропотно и чётко выполнявшего любые приказы, государство с юноше-ских лет исправно снабжало обмундированием, продоволь-ственными пайками, путёвками в санатории, жильём.

Сегодня у ветерана предстояли нешуточные, но прият-ные хлопоты – он встречал свой вековой юбилей. С раннего утра в его однокомнатной квартире на первом этаже хозяй-ничали две помощницы из собеса: Никитична – неохватная и шумная женщина пенсионного возраста и Нина, Ниноч-ка – в два раза моложе, затюканная жизнью, не нашедшая лучшего применения своим знаниям и навыкам после окон-чания педагогического института. Женщины хлопотали на кухне, предупреждённые о визите важных гостей из мэрии, где уже приняли решение о присвоении Николаю Иванови-чу звания «почётный гражданин города».

Сам ветеран – бодренький сухощавый старичок высоко-го роста – решил не путаться под ногами пока идут при-готовления к импровизированному банкету, а попросил вывести его на улицу и усадить на скамейку возле подъезда подремать под ласковыми лучами приветливого солнышка. На возражения соцработников хитро подмигнул:

– Обзор у вас из окна кухни хороший, так что не потеря-ете меня из виду.

В доме все удивлялись казалось бы стабильному здоро-вью Дубовицкого. Конечно, слегка проявились признаки болезни Паркинсона, ухудшились слух и зрение, но голова оставалась светлой, с памятью – полный порядок.

Николай Иванович облокотился на спинку скамейки, прикрыл веки. Да, на память он никогда не жаловался, хотя, нет – кое-какие имена, даты растворились, улетучились за ненадобностью. Но основные события долгой и праведной, по его понятиям, жизни прочно запеклись в подкорке. На судьбу он никогда не жаловался, наоборот, был благодарен тем, кто повлиял на деревенского паренька со Смоленщины, когда пришло время служить в армии. Родившийся в 1919 году, когда страну буквально лихорадило от голода и разру-хи, а гражданская война косила всех без разбора, Колька в детстве никогда вволю не ел хлеба, ходил в доставшихся от

старших братьев обносах. И поэтому без раздумий, едва ис-полнилось 16 лет, согласился помогать чекистам, у которых всегда можно было подхарчиться.

Он не особенно вникал в политические тонкости про-тивостояний тех лет, считал, что советская власть знает, что делает, а с её врагами надо расправляться беспощадно. Когда же призвали в армию и направили служить в знаме-нитый Кремлёвский полк (благо рост позволял), Николай откровенно заскучал на монотонных строевых занятиях. Но вскоре его вызвали к командиру, где незнакомый штатский в кожанке и очках, ознакомившись с биографией курсанта, тут же резюмировал:

– Так вы же наш человек, Николай Иванович, хорошую школу прошли в рабоче-крестьянской милиции, идейно вы-держаны. Не желаете ли продолжить службу в НКВД?

Парень не возражал, тем более в перспективе его мог-ли взять в охрану самого Сталина. А пока служба в том же Кремле в условиях, о которых можно только мечтать.

Николай Иванович приоткрыл глаза, встревоженный хриплым голосом какой-то псины неподалёку. Мутная кино-плёнка памяти напомнила о сентябрьской командировке со-рок первого года в Орёл. Подняли по тревоге ночью, человек десять-двенадцать храбрых молодцов, секретно проинструк-тированных накануне, и столько же солдатиков с овчарками. Собаки выли всю дорогу, порываясь перейти на лай. Вгляды-

ваясь в излишне серьёзные лица своих хозяев, они, видно, предчувствовали, что предстоит нечеловеческая работа.

Перед отправкой сержанта Дубовицкого вызвали к командире. Короткий инструктаж, крепкое пожатие руки и напутствие:

– Вы должны оправдать высокое доверие самого товарища Берия. Ваше личное дело у него на столе. За чёткое выполнение операции получите очередное звание, денежную премию и недельный отпуск. Готовы?

– Так точно!

Он ни секунды не сомневался в правильности приказа. Полторы сотни врагов народа находятся в Орловском центре, высшая верхушка эсеров, а также бывшие руководители, иностранцы, вставшие на путь измены и предательства. Немцы подошли близко к Орлу, а эти опасные заключённые могут оказаться на свободе и продолжить борьбу против советской власти. Этого допустить никак нельзя. Такого же мнения и другие члены расстрельной команды, которых отобрали для справедливого возмездия.

Дождь лупил нещадно холодными обжигающими очередями. Прямо с вокзала в закрытом фургоне их повезли в городскую тюрьму. Машина с трудом прощупывала фары растворившиеся в темноте дороги. Город словно вымер в предчувствии надвигавшейся угрозы оккупации. Начальник НКВД – майор с осунувшимся лицом, с нервно бегающими глазами – не скрывал подавленного настроения.

– У нас всего сутки на выполнение ответственного задания. Мне сообщили, что у вас уже разработана схема проведения приговора...

Невысокого роста старший лейтенант – начальник московской команды – удалился с майором в один из кабинетов. Бойцам предложили перекусить холодной гречневой кашей с хлебом. Минут через тридцать старший лейтенант приказал грузиться на машины. Дождь почти прекратился, но теплей не стало. Ехали долго, за город. В лесу, оцепленном по периметру, уже определили место расстрела, установили два пулемёта по бокам для страховки. Собаки должны были своим лаем заглушать крики обречённых и подавлять их волю. Команде раздали по два пистолета на выбор; Дубовицкий выбрал браунинг и вальтер, которые полюбил ещё на учебных стрельбах. Кому-то приглянулись маузер и револьвер. Потренировались здесь же, оружие чеканило без сбоев.

Неожиданно старший лейтенант приказал четверым чекистам срочно отправляться обратно в тюрьму. Старшина Борташевич шепнул на ухо: «Не всех сюда повезут, кого-то на месте кончать надо... Давай, Колька, дуй обратно, в тепле оно сподручней...».

В полутёмном коридоре, разделённом на две половины, хлюпала под ногами вода. Заключённых выводили по одному. Кто-то невидимый из-за угла скороговоркой бубнил приговор, майор давал отмашку, и чекисты по очереди нажимали на курок. Всё шло как по маслу до того момента, когда какая-то женщина, упав на колени, завопила, причём на непонятном языке. «Убрать», – последовала команда. На недоумённый взгляд Николая местный начальник лишь выдохнул: «Иностранная шпионка... Продолжайте».

Вода на бетонном полу прибавлялась. Едва солдатики подхватывали бездыханное тело и спешно уволокивали во двор, мощной струёй из бранспойта смывалась кровь. Уже раскалился ствол пистолета, рука устала от напряжения, но конвейер смерти не останавливался. Даже возглас: «Всё, от-

бой!» не остудил. Николай заметил, что его гимнастёрка вся мокрая – от воды и пота, а губы – сплюснуты от судорожной яростной гримасы.

Их скоренько повели в комнату, где весь стол был уставлен бутылками и закуской. Майор скомандовал: «Налетай, ребята. За хорошую работу грех и не выпить». Подъехали сослуживцы из леса, присоединились к трапезе. Наполняли гранёные стаканы почти до краёв и махом осушали их. Молча, угрюмо. Появившийся старший лейтенант НКВД радостно сообщил:

– Нарком уже получил сообщение об удачно проведённой операции. Отличившихся ждут награды.

Так на кителе Дубовицкого появилась первая медаль – «За боевые заслуги». И угрызения совести не мучили, как пугали сослуживцы в Москве, ведь он выполнял важное поручение вождя...

Юбилер разнежился на солнышке и вновь закрыл глаза. Видения из прошлого тут же напомнили о себе.

Ещё перед войной по личному распоряжению наркома его порекомендовали в охрану Сталина. И первая же командировка случилась на озеро Рица. Дубовицкий впервые увидел величавый Кавказ, другую, резко отличающуюся от его деревенской, жизнь. Запомнил наставление: вождю на глаза не попадаться, он этого не любит, – оставаться незамеченным. И надо же так случиться, что оплошал, не успев спрятаться за деревом, и увидел проходящего мимо Сталина. Поравнявшись с охранником, Сталин что-то сказал. Но так тихо и невнятно, что Николай не разобрал. Окаменел от ужаса. Что делать? Но тут подскочил генерал Власик, начальник охраны, недовольно зашипел:

– Что он сказал?

– Я не понял, – помертвевшими губами пролепетал сержант.

– Вот что, – сориентировался Власик, – бери поднос, поставь на него бутылку «Боржоми» и бокал. Быстрее неси, он ждать не любит.

Дубовицкий мгновенно выполнил распоряжение, подошёл к Сталину. Тот просверлил охранника взглядом – аж мурашки прочесали всё тело – и покачал головой:

– Я же просил вина, а не воды.

– Сейчас исправим, – охранник опрометью бросился в дом. Быстро заменил бутылку и вернулся. Сталин, видимо, находился в хорошем расположении духа, никак не отреагировал.

Дубовицкий в страхе ждал целые сутки. По опыту знал, что решение может быть самым неожиданным. Через день Власик ему подмигнул:

– Пронесло. Но впредь будь внимательней...

Да, много чего случалось за службу. Во время войны охранял резиденцию правительства. Однажды во время бомбёжки пришлось тушить пожар, когда бомба угодила на территорию Кремля. Потом часто сопровождал вождя на отдых, особенно нравились долгие поездки к морю.

Служил честно, но ничего никому не рассказывал, связанный обязательством не разглашать гостайны. Даже с женой своей... как же её звали – первую? – не откровенничал. Правда, и прожили-то с ней недолго, захворала да и прибралась где-то в пятидесятые годы. Сменялись руководители партии, но получивший к тому времени офицерские погоны Николай всё равно выше всех ставил Сталина. Он даже мысли не допускал, что кто-то мог лучше Иосифа Виссарионовича управлять страной, победить фашистов, создать

ядерную бомбу, а всю эту разболтанную массу людишек заставить ударно трудиться. Приходилось терпеть взбалмошного и непоследовательного Никиту Хрущёва, а потом и управляемого Брежнева. Уже в звании майора госбезопасности Дубовицкий работал в секретариате Верховного Совета СССР. От первой жены, а, вспомнил – Антонины, подрастали двое детей. Парень – Алексей – стал офицером, захотел служить в морфлоте, укатил на Дальний Восток. С ним отношения не заладились, слишком своевольничал, не почитал пристрастия отца, особенно когда речь заходила о Сталине. Не нравилось, что он увлекается «шестидесятниками», читает запрещённую литературу. Дочка Мария росла более податливой, но второй жене почему-то не нравилась, и после десятилетки укатила девчушка к родной тётке в Смоленск. Редко присылала открытки с поздравлениями по случаю дня рождения, а вот революционные праздники, как и сын, пропускала, чем вызывала негодование стареющего сталиниста.

Но тут мир стал рушиться вместе со страной. Как раз после 70-летнего юбилея, когда пришло время уходить на пенсию. Танки на улицах Москвы повергли Николая Ивановича в шок. Немцы столицу при нас не взяли, а тут какие-то долбаные демократы позволили... У него впервые подскочило давление, «скорая» доставила в Центральную клинику 4-го Главного управления при Минздраве России.

Многое передумалось за больничное время. На смену озлоблению пришло осознание того, что их время ушло и незачем бесполезно тратить силы на негодование и критику. Ещё хорошо, что их, верных ленинцев, не выбросили на свалку истории вместе с портретами членов Политбюро, вместе с красными знамёнами и кумачовыми лозунгами. Всё же новая власть не спешит порвать с прошлым окончательно: время от времени в телевизионных программах появляются дорогие сердцу фильмы, а в газетах дают слово тем, кто строил коммунизм...

Николай Иванович посмотрел в сторону своего окна, Никитична приветливо улыбалась, заканчивая приготовление праздничного обеда. Ниночка выскочила из подъезда с авоськой, ласково провела по руке юбиляра.

– Николай Иванович, я в магазин, хватились, а чай закончился, – доложила Ниночка и тут же поинтересовалась. – А вам не холодно, не пора домой возвращаться?

Дубовицкий глупо улыбнулся, думая о чём-то своём и пробормотал:

– Вот ведь, жена не дожидается этого дня и дети где-то...

– Ничего, ничего, – засуетилась Ниночка, – зато вы у нас за всех... Дай Бог здоровья... Ну, я побежала, а то гости уже скоро будут. На обратном пути я вас заберу.

Он опять задремал, пытаясь открутить назад киноплёнку своей жизни. Но ничего не выходило. Только служба, служба, служба. Многие лица, имена стёрлись, какие-то яркие эпизоды забылись. Он не мог даже восстановить лица детей и жены.

А друзья-соратники? Их ведь нет, давно ушли в мир иной. Не с кем даже поговорить, вспомнить былое. Говорят: живите подольше. А зачем? Что толку, что я ем, сплю, двигаюсь потихоньку, даже кое-что соображаю. Но это чужая жизнь. Непонятная, незнакомая. Чуждая моему восприятию.

В конце прошлого века, не в силах переносить анархию в стране, попросил нового коменданта Кремля помочь уехать

из Москвы, поменять квартиру на тихий городок где-то в провинции, где не давит жуткая вакханалия, заполонившая столицу, где, возможно, в патриархальной тишине и размеренного быта удастся спокойно и без потрясений провести остаток дней. Помогли. Он выбрал районный центр в Тульской области, где радовал глаз памятник Ленину на главной площади города, где по улице маршировали пионеры и октябрята, где в краеведческом музее подробно рассказывали о победе в Великой Отечественной войне под руководством партии и правительства...

Нового жителя обласкали вниманием с первых же дней. Ещё бы, кто может рассказать о встречах с самим Сталиным, поделиться воспоминаниями о беспощадной борьбе с внутренними врагами, мешающими развитию нашего великого государства. Своё 90-летие Николай Иванович встретил в местном Дворце культуры; многолюдный зал искренне и долго аплодировал почётному ветерану, ему надарили кучу сувениров и подарков, огромное количество памятных адресов в одинаковых алых папках пришлось доставлять по месту жительства в несколько заходов.

Потом заявили местные журналисты, самый бойкий из которых – Юра – подкупающе расположил к себе:

– А мой дед служил в «СМЕРШе», – и через паузу добавил. – Николай Иванович, давайте напишем с вами книгу воспоминаний. Ведь не каждому выпало счастье прожить такую продолжительную и яркую жизнь, полную опасностей и тревог...

Предложение выглядело заманчивым, действительно, есть что рассказать, а заодно и поквитаться со всякого рода дерьмократами, развалившими такую мощную державу. Но вскоре пыл поугас. Память давала сбой, а годы, проведённые под грифом «секретно», вносили сумятицу: о чём можно рассказывать, а о чём – не время. Местные фээсбэшники только руками разводили: на этот счёт у нас нет указаний, а ваш срок давности, по-видимому, истёк давно, так что мемуары не раскроют государственную тайну.

Юра приходил почти каждый день, задавал скучные вопросы и получал такие же односложные неинтересные ответы. Его попытка приоткрыть какие-нибудь «жареные факты» наткнулась на жёсткий отпор:

– Ничего такого у нас не было. Мы жили как приказывали. Как велела партийная совесть.

Журналист после месячного интервью явно разочаровался и приходил стал гораздо реже, а потом и вовсе пропал. Самому же Николаю Ивановичу всякого рода писанина была чужда, если не считать заполнения служебных документов в далёком прошлом. Да и отвыкла рука от письма, самому сложно сформулировать даже простейшие мысли.

Ну, нет так нет. Напишут о нашей эпохе те, кому нужно. Расскажут правду, просветят заблудший народ...

Он попытался приоткрыть глаза, насладиться солнечными бликами, стремительно исчезающими в густой листве деревьев, но вдруг повеяло холодом, захоронил ветер, пытающийся опрокинуть скамейку, на которой прикорнул юбиляр. Земля закачалась, словно набирая разбег перед прыжком в неизведанное.

Последнее, что он различил – перекошенное лицо Ниночки, позади неё толпу каких-то празднично одетых людей с букетами цветов. И уплывающий голос:

– Мэр приехал поздравить вас с вековым юбилеем...

Но юбиляр уже ничего не смог ответить.

Б о я р ы н я каша

В Болхове прошёл фестиваль «Боярыня каша», посвящённый Дню памяти святой мученицы Татианы, покровительницы российского студенчества.

Студенты Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС) приготовили целый чан гречневой каши на полевой кухне и угостили ею жителей города.

Сёстры женского монастыря угостили болховчан монастырской кашей. Наевшись до отвала, местные жители пустились в пляс. Творческие коллективы районного Дома культуры, а также студенты Среднерусского института управления подготовили концертную программу.

Если вы прочли эту заметку и всё равно не догадались, как связан День студента, Болхов и гречка, отвечаю – на гербе города Болхова, который был утверждён в 1781 году, изображено засеянное гречихой поле. Гречиха – традиционная культура, которую издревле выращивают на болховской земле.

Активные болховчане на отсутствие аппетита не жаловались и за день съели 30 килограммов гречки.

Анастасия ДЁМИНА

«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»

Так называется совместный проект Орловского фотографического общества при Орловском краеведческом музее (руководитель – заслуженный работник культуры России Леонид Тучнин), Орловского Союза журналистов и редакции «Союз российских писателей»

«Экология души» рассчитана на широкий круг фотографов-профессионалов и любителей. Главная идея проекта – знакомство зрителей с обычными людьми, чьи труды вдохновляют и радуют окружающих.

На первом этапе просветительской акции представлены шесть фотоочерков хорошо знакомых орловскому зрителю фотографов: Дениса Никишина (г. Болхов), Дмитрия Куликова (п. Хотынец), Игоря Сигалова (г. Орёл), Татьяны Озёриной (г. Брянск), Сергея Чупахина (г. Орёл), Леонида Тучнина (г. Орёл).

Презентация проекта состоялась в Орловском краеведческом музее.

По замыслу организаторов фотовыставка «Экология души» будет пополняться работами новых фотографов. Выставку запланировано показать в районах области, там же для желающих профессиональные фоторепортёры организуют мастер-классы.

Владимир Бурдин

«Палитра бытия»

Живописец, музыкант

г. Брянск

Фотоочерк Татьяны Озёриной

(г. Брянск)

Бал прессы-2020

Орловское журналистское сообщество отметило 100-летний юбилей. Вместе с этой поистине исторической датой репортёры отметили и более скромный, но всё же важный юбилей бессменного секретаря Орловского Союза журналистов Галины Петровой.

А ещё на празднике, прошедшем в кафе «Офсайд», было много поздравлений и подарков. Своими силами журналисты организовали и импровизированный концерт, лишний раз подтвердив, что они талантливы во всём.

Фото Леонида Тучнина

Валерий АНИШКИН

СТУДЕНТ

Человек в мире изменённого сознания
(в сокращении)

Часть I

Глава 11

Вино коварно, и мы иногда теряли своих товарищей, тех, которые тонули в алкоголе, тихо спиваясь, и исчезали из поля нашего зрения.

Стас Красовский учился на худграфе, и преподаватели считали его подающим надежды. Поступил он в институт после художественного училища, и у него уже сформировался собственный стиль. Ему одинаково хорошо удавались животные, люди и пейзажи, которые он писал в классической манере, хотя его абстрактные рисунки тоже отмечались как интересные. В общем, ему прочили большое будущее как художнику.

Наверно, так бы и стало, если б не вино, к которому он пристрастился. Сначала выпивал как все и до непотребного состояния не напивался, но постепенно и незаметно, как в классических примерах психиатрических учебников, дозы увеличивались, а выпивки становились чаще.

Как-то Стас опоздал на общую лекцию по политэкономии в аудитории-амфитеатре. Он извинился и пошёл мимо кафедры, с которой читал лекцию преподаватель, щуплый незначительного роста человек Песиков. По пути Стас пошатнулся и зацепился тяжёлым пузатым портфелем за кафедру. Раздался характерный звяк посуды. В тишине, когда муха пролетит – слышно, это прозвучало так вызывающе откровенно, что аудитория покатила со смеху. Ничего не понял только Песиков. Он подождал, пока аудитория успокоится и продолжил монотонно как пономарь вдалбливать нам суть трудовой теории стоимости Адама Смита и Давида Рикардо.

Стас присел передо мной, и я, чуть наклонившись к его столу, шёпотом спросил:

– Ты чего пустые бутылки с собой таскаешь?

– Сдать хотел, – также шёпотом ответил Стас. – На червивку не хватило. У меня только восемь рублей. Не добавишь?

Деньги у меня были, и Стас, не досидев до конца пары, ушёл, сообщив Песикову, что у него болит голова. Как сказал мудрый Расул Гамзатов:

Ты пьёшь вино и пьёшь.
Как царь и повелитель.
Постой, ещё поймёшь,
Что ты его служитель.

Но однажды трезвый и грустный Стас объявил нам, что завтра идёт лечиться от алкоголизма.

– Мать поставила условие: если не пойду в диспансер, больше ни копейки не даст. Да это чёрт с ними, с деньгами! Отец обещал в армию сдать. А батя, если сказал, сделает.

Отец у Стаса, мужик крутой и настоящий полковник, занимал должность военкома области. Удивительно, что при таком отце пьянки Стаса до сих пор сходили ему с рук. Сына, как могла, прикрывала мать.

Глава 12

Я показал Зыцерию свои рассказы. Один ему особенно понравился, он долго носился с ним, правил, что-то с моего разрешения переделывал. В конце концов, я свой рассказ едва узнал. И расстроился, потому что это был уже не мой рассказ. Сразу вспомнилась история с Бабелем, которого я любил. Эту историю рассказал драматург и критик Георгий Мунблит. (Мунблит, Георгий Николаевич (1904–1994) – российский драматург, прозаик, литературный критик, сценарист. Печатался с 1925. Окончил МГУ. Чл. СП СССР (1935).)

Как-то Исаак Эммануилович позвонил в редакцию и попросил принять одного начинающего писателя. На другой день протеже Бабеля явился в редакцию и положил на стол тощую папочку с несколькими рассказами, в которых речь шла о лошадях, а Бабель был ценителем и завсегдатаем бегов, хотя вопреки расхожему мнению, он никогда не играл на бегах. Просто он без памяти любил лошадей, и на ипподроме, где люди сходят с ума от азарта и жадности, он смотрел только на лошадей и ни на что другое. Начинающий же писатель был знакомым Бабелю наездником. Рассказы показались редактору слабыми: о печатании их не могло быть и речи. Об этом сообщили Бабелю. Тот смутился и попросил прислать ему рукопись, чтобы «поковыряться» в ней.

Через несколько дней начинающий писатель снова явился в редакцию с рукописью. В папке находилось всего два рассказа, но они оказались превосходными. Рассказы, которые ещё недавно отклонили как посредственные, теперь светились и искрились так, что читать их стало удовольствием. Но самым удивительным оказалось то, что Бабель сделал всего пять-шесть поправок на страницу. И всё вдруг ожило и стало живописным.

А в этом и заключается талант мастера, увидеть и высветить то, что недоступно взгляду посредственности. Вот такой посредственностью вдруг почувствовал себя я.

Тем не менее, Зыцерь сказал:

– Володя, вам нужно серьёзно заняться литературой. В вас есть та индивидуальность, которая позволяет надеяться, что из вас может получиться писатель самобытный, ни на кого не похожий.

– То-то Вы весь рассказ перечеркали, – усмехнулся я.

– А это ничего не значит. Тем более что правок я сделал не так и много: убрал лишнее, сократив некоторые длинноты, без которых рассказ ничего не потерял. Бабель, о котором вы говорите и которого вы, как я понял, любите, «вымарывал из рукописи лишние слова с такой злобой, что карандаш рвал бумагу». Его язык, как вы, наверно, заметили, поражает сжатостью.

– Что Вы сравниваете? – возразил я. – Так, как Бабель, мне никогда не написать.

– А не надо, как Бабель. Вы будете писать, как Анохин. В вас есть как раз то, о чём тот же Бабель, если уж мы о нём заговорили, сказал: «Кто поверит, что рассказ может жить одним стилем, без содержания, без сюжета, без интриги? Дикая чепуха». Вот у вас как раз есть и содержание, и интрига...

– Вам нужно пожить в большом городе, – добавил Зыцерь.

Учитель часто с ностальгической тоской говорил о Питере, рассказывал о своих необыкновенных друзьях в ЛГУ, где он учился, об институте Герцена, куда они ходили в знаменитый клуб, где директором работал легендарный армянин Охаян, который был знаком ещё с Маяковским и со всей литературной богемной элитой тех времён, и про которого студенты говорили без злобы: «Всегда небрит и вечно пьян директор клуба Охаян».

– Вы можете перевестись после первого курса в ЛГУ или хотя бы в тот же пединститут Герцена, – сказал учитель. – Если надумаете, я дам вам рекомендательные письма. У меня есть друзья, которые преподают в том и другом вузах.

– Не знаю. Отец серьёзно болен. Если с ним что-то случится, мать не сможет мне помочь материально. А на стипендию прожить сложновато.

– Ну, я жил. Подрабатывал. Это не проблема. И не обязательно вагоны разгружать – других вариантов много. А что с отцом?

– Во время войны он находился в Тегеране, в группе советских войск. При ликвидации одной диверсии получил контузию. Почти полгода лечился в Тегеране, в Ашхабаде. Вернулся совершенно больным.

Трудно было говорить о болезни отца, потому что это касалось его страданий и моего бессилия изменить что-то к лучшему. Первое время с отцом случались припадки, после которых он долго не мог прийти в себя. Его необратимо поражённый мозг жил за счёт всех жизнеспособных органов, которые отдавали свои силы и сами оставались без защиты... Я пытался лечить отца, но мог только унять боль во время приступа. Обычно в такой день отец чувствовал вялость, сонливость, у него пропадал аппетит, всё время хотелось пить, и он спешил отпроситься с работы, потому что головная боль появлялась внезапно и быстро усиливалась, пока не обрушивалась всей мощью; переставала существовать стройная реальность, она уступала место хаосу. Мозг кипел и череп распирало изнутри. Отец перетягивал голову полотенцем и стягивал узел всё сильнее и сильнее, словно укреплял череп. Когда человеческое терпение кончалось, из отцовского горла вылетал стон, больше похожий на рёв раненого зверя. Он катался по кровати и

прокусывал наволочку подушки, пытаясь заглушить боль.

Со временем моя помощь дала результаты: организм отца постепенно начал справляться с болезнью, но из-за ослабления иммунной и нервной систем появились симптомы побочных заболеваний, а отсюда слабость, быстрая утомляемость. Все закончилось двумя инфарктами.

Последние годы отец уже не работал, но получал какую-то особую пенсию, которая была значительно выше обычной инвалидной, и лечился он в привилегированной обкомовской поликлинике...

Всего я Зыцерью не рассказывал, хотя он знал о моих злоключениях с особыми способностями и деликатно не касался этой темы.

Не знаю, сознательно или случайно мы оказались в тот вечер возле институтского общежития, но Юрий Владимирович вдруг попросил:

– Володя, вы не могли бы вызвать Милу?

Выглядел он смущённо, и, видно, чувствовал себя неловко, потому что счёл необходимым добавить:

– Мне нужно с ней увидеться.

Это прозвучало как-то по-детски.

– Конечно, – сказал я.

– Восемнадцатая комната на втором этаже, – торопливой скороговоркой проговорил Юрий Владимирович.

Я знал, в какой комнате живёт Мила; мы с Лераном как-то заходили к ней за конспектами по истории КПСС.

Мила не ожидала увидеть меня. Её бровь удивленно приподнялась.

– Вот сюрприз! Ты один? – спросила она, и мягкая улыбка появилась на её прелестном личике.

– С Зыцерем. Он ждёт на улице.

– И чего вы хотите? – улыбка стёрлась, и голос Милы стал строгим.

– С тобой Юрий Владимирович хочет поговорить. Выйди.

– А если не выйду? – губы Милы скривились в нервной усмешке.

– Твоё дело. Только это неправильно. Он что, тебя съест?

– А чего ты меня ему сватаешь? – теперь в голосе Милы сквозило раздражение. – Роль свахи тебе не идёт.

– По дружбе. Я уважаю этого человека.

– Но ты меня не уважаешь, – с обидой сказала Мила.

– Ты – это другое, – ляпнул я, сознавая, всю неуместность и бессмысленность этой фразы.

– Дурак ты! – сказала в сердцах Мила и повернулась, чтобы уйти.

– Так ты выйдешь? – бросил я вслед.

Мила ничего не ответила и даже не обернулась. Я постоял чуть и пошёл на улицу.

– Ну, что? – спросил нетерпеливо Зыцерь.

– Не знаю. Я сказал.

– Ну, а она? Она-то что? – Зыцерь волновался, как мальчишка-первокурсник на зачёте. Мне стало его жалко, и появилось раздражение против Милы. Но странно, в глубине души зашевелилась вдруг мыслишка о том, что хорошо, чтобы она не вышла.

– Я не понял. Ничего не сказала. Подождём?

– Подождём, – с готовностью согласился Юрий Владимирович.

Мила вышла минут через пятнадцать. Она как-то косо посмотрела на меня, а я побрёл на остановку. При этом я чувствовал себя предателем и одной, и другой стороны.

ЖИЛА-БЫЛА В ПОЛЯХ ДЕРЕВЕНЬКА...

78 лет тому назад, в ночь со 2 на 3 февраля 1942 года, немецкие оккупанты дотла сожгли затерявшуюся в полях деревню Колпачки Архангельского сельского Совета Урицкого района Орловской области. Так фашистские изверги отомстили за то, что её жители предоставили ночлег партизанам. Погибли и люди: одна престарелая слепая женщина сгорела в своей хате, пятеро крестьян были расстреляны на месте, две молодые женщины погибли в застенках гестапо.

Где вы, колпачковцы? Отзовитесь!

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как Анатолий Александрович Кузьмин, выходец из деревни Юшино, что соседствует с Колпачками, подробно изучил историю своего края и поведал миру о трагедии полевой деревушки. В 1990 году на месте уничтоженного в XX веке хутора Колпачки на общественные деньги был создан мемориал «Убитая деревня». Он теперь широко известен и в нашей области, и за её пределами.

За это время на страницах разных изданий многое говорилось о событиях февраля 1942 года и о здешнем мемориальном комплексе. Мне, организатору и строителю памятника деревне-кормилице, все эти годы почему-то казалось, что потомки колпачковцев живут где-то далеко за пределами своей малой родины. Однако я глубоко ошибался.

Четыре года тому назад по приглашению заведующей Архангельской сельской библиотекой Инны Николаевны Лукашевич и коллектива учителей Первомайской основной общеобразовательной школы я приехал на встречу с учениками-читателями. Дети задавали очень много разных вопросов, я отвечал любознательным школьникам, а одна девочка – Вероника Пулатова, ученица второго класса, подошла ко мне и сказала:

– Спасибо Вам, было очень интересно, приезжайте к нам ещё!

Меня так тронули слова этой крохи, что тут же пообещал прислать ей свою новую книгу. Сейчас Вероника учится в 6 классе. Надеюсь, что книжку-то мою она прочла...

Так вот, когда закончилась встреча в школе, Инна Николаевна, указывая на того или иного ученика, говорила, что этот мальчик или девочка – потомок такого-то жителя из Колпачков. И я понял, почему так живо интересовались дети историей этого селения.

Спустя некоторое время в урицкой районной газете «Новая жизнь» мне встретилась фотография ученицы Первомайской школы – Ульяны Кузнецовой. Оказалось, что она правнучка той самой Марии Медниковой, зверски замученной гитлеровцами в далёком 1942 году. Ещё Ульяна доводится внучкой Валентине Медниковой, скульптурная фигурка которой на веки вечные останется прижатой к своей горемычной матери, застывшей в металле в центре Колпачков...

Не единожды перед моим внутренним взором всплывал образ этой девчушки: не по годам задумчивое лицо, взгляд глубоко погружен в себя. Будто на плечах её мировая скорбь рода Медниковых... Во всем её облике проглядывается сильное душевное волнение. И это неудивительно, ведь снимок был сделан во время траурного мероприятия в Юшинском Доме культуры, посвящённом 76-й годовщине трагедии в Колпачках.

На этом печальном собрании земляки вспоминали ли-

Валун с табличкой-указателем маршрута в Колпачки, установленный в деревне Селихово на обочине дороги Орёл – Брянск

хие военные годы, своих родных и близких... Кроме учеников, сюда пришли их родители, бабушки и дедушки. Некоторые из них ещё работают на здешних полях и фермах, многие находятся на заслуженном отдыхе. Как они живут? Что думают о своей малой родине? Чем дорог им памятник в родной деревне их дедов и прадедов? Эти и другие вопросы не давали мне покоя.

В результате созрела мысль о продолжении летописи убиенной деревни. Мне также захотелось «вернуть» колпачковцам их отчий край: родники и ручьи, перелески и три священные берёзы, стоящие на братской могиле погибших односельчан...

На протяжении прошедших 30 лет я много раз бывал в Колпачках: искал украденные металлические плиты, привозил сюда телеоператоров, туристов, своих родственников, «поднимал» на холмики опрокинувшиеся валуны и пр., но ни разу за все эти годы не встретил здесь, кроме

М.Ф. Пашина и В.Н. Медниковой, никого из колпачковцев...

Это надо срочно исправить! Совсем недавно в личном архиве я обнаружил список всех семей, проживавших в отдалённой полевой деревушке до февраля 1942 года. Его составил мой давнишний друг, свидетель зимнего пожара в Колпачках Анатолий Дмитриевич Сороченкин. Я тут же перепечатал имена и фамилии и срочно отправил Инне Лукашевич. Она по телефону сказала мне, что к 78-й годовщине трагедии в Колпачках списки будут обнародованы на специальном стенде в Юшинском Доме культуры.

В этой статье я хочу рассказать о некоторых представителях этой деревни. Ульяна Кузнецова после окончания 9 классов родной школы в прошлом году поступила в одно из профессиональных училищ г. Орла. А её брат Егор Кузнецов, вместе с моей давней знакомой Вероникой Пулатовой, учится в 6 классе Первомайской школы.

Из колпачковцев я хорошо знал Пашина Михаила и Сергея Медникова, а также Иваничкина Николая, брата истерзанной карателями Евдокии Иваничкиной (он жил в соседней деревне Грачёвке).

Часто встречался с Валентиной Никифоровной Медниковой – дочерью Марии Васильевны Медниковой. Образ девочки Валентины я сознательно предложил ввести в скульптурную композицию «Женщина-мать с ребёнком». Когда собирался привезти сюда многочисленных школьников-туристов, то всегда просил В.Н. Медникову встретиться с ребятами. Валентина Никифоровна всякий раз поджидала нас на перекрёстке дорог у речной запруды и сопровождала юных путешественников в Колпачки. Там, рассказывая о злоключениях родной деревни, о гибели мамы, о внезапной разлуке с сёстрами и братьями, она каждый раз плакала. Теперь и её нет с нами. Считаю необходимым представить (впервые) список членов семьи, в которой она родилась. Даже по меркам старой России это огромное семейство. Вот состав её:

Медников Никифор Фёдорович – отец
Медникова Мария Васильевна – мать
Дети:
Медников Александр Никифорович
Медников Сергей Никифорович
Медникова Анастасия Никифоровна
Медникова Мария Никифоровна
Медникова Анна Никифоровна
Медникова Валентина Никифоровна
Медникова Нина Никифоровна

Где ныне братья и сёстры Медниковы и живы ли? Как устроилась их жизнь? Вопросы, вопросы...

С какой иронией распорядилась судьба с матерью вот этих семи приёмных и родных девочек и мальчиков. После замужества Мария Васильевна (она вышла за вдовца) стала Медниковой, а после лютой смерти – медной...

...Родовой дом Медниковых в Колпачках стоял на окраине (потому туда и постучались двое партизан в феврале 1942 года). Хозяин Никифор Фёдорович Медников в это время находился на фронте. В орловской Книге Памяти (1998) есть короткое сообщение о нём: «Медников Никифор Фёдорович, русский, род. в 1901 г., РСФСР, Орловская обл., Урицкий р-н, призван 01.09.41. РСФСР, Орловская обл., Урицкий РВК, лейтенант, пропал б/в 10.43 г., родств.: сын – Медников Сергей Никифорович».

Обнаружились сведения и о первенце Никифора. В Книге Памяти о нём написано: «Медников Александр Никифорович, русский, род. в 1920 г. РСФСР, Орловская обл., Урицкий р-н, Архангельский с/с, призван: РСФСР, Орловская обл., Урицкий РВК, красноармеец, 136 сп, пропал б/в 22.06.41., захор.: УССР, Львовская обл., м. Фошаны».

Очевидно, буква «м» в документе означает местечко, но ни в интернете, ни на карте я не нашёл этого селения на Украине.

Старший сын Никифора – Александр Медников мог быть призван в армию в конце тридцатых годов прошлого века, так как родился он в 1920-м. Начало войны Александр, по-моему, встретил красноармейцем-пограничником и погиб в первый же её день. Уж очень противоречиво утверждение Книги Памяти о том, что Медников А.Н. пропал без вести, а потом был похоронен в м. Фошаны. Кто его мог предать земле, если Красная Армия отступала по всему фронту? И когда?

Второго сына Никифора Фёдоровича, Сергея, я тоже знал лично, но накоротке. Когда в 1989 году только начинались работы по созданию мемориала «Убитая деревня», Сергей Никифорович Медников приходил ко мне в редакцию газеты «Новая жизнь» и мы с ним ездили на окраину улицы имени Горького в Нарышкине – на могилу его матери, которую он называл мамой. Над безымянным холмиком он всякий раз горько плакал, а однажды установил здесь первый крестик из тонюсеньких реечек.

Не удосужился я тогда расспросить его подробнее: был уверен, что все впереди, а Сергей вскоре умер... Помню лишь, как С.Н. Медников с грустью и нескрываемой обидой говорил о том, что он воспитывался в детском доме...

Вот пока и всё, что я мог сказать о некоторых колпачковцах. Надеюсь, что эта статья выявит новые лица. Мне очень хочется, чтобы выходцы из деревни Колпачки оставили о себе и о своих родных письменные сообщения. Это нужно и всем ныне живущим на земле. Ещё со школьной скамьи мне запомнились слова великого русского поэта Михаила Лермонтова: «История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...»

Хорошо было бы, если урицкая райгазета «Новая жизнь», как и тридцать лет тому назад, вновь взялась бы за проведение этой объединительной акции. Заведующая Архангельской сельской библиотекой Инна Лукашевич уже готова у себя принимать письменные корреспонденции колпачковцев – послания грядущим поколениям...

Мемориал «Убитая деревня» – год юбилейный!

Пологаю, что настала пора коротко сказать несколько слов о мемориале «Убитая деревня». За 30 лет его существования очень много утекло воды... Порой среди печальных раздумий о нём, улавливаю в своей душе и радостную искорку – народный памятник выдержал испытание временем! А эпоха-то на рубеже веков и для людей, и для него была очень непростой!

За эти годы скорбное место в полях посетили сотни людей из разных уголков России и мира. Летом 1990-го, к примеру, сюда приезжал Джозеф Де-Болт – гражданин Америки, профессор Мичиганского университета. Он оставил свои воспоминания, которые затем были опубликованы в книге А. Кузьмина и Г. Лазарева «Священные

камни» (1994). Рукописный текст этого письма (на английском языке) хранится в моём личном архиве.

В мае 1995 года вместе с главой администрации Орловской области Егором Семёновичем Строевым в Колпачках побывал всемирно известный русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Александр Исаевич Солженицын.

Знает о Колпачках и Президент РФ Владимир Владимирович Путин. О памятнике сожжённой врагами деревне в Архангельском сельсовете ему, тогда лишь кандидату в Президенты России, в ноябре 2011 года поведал губернатор Орловской области Александр Козлов. Это произошло на митинге в Карачевском районе Брянской области, в день открытия грандиозного мемориала, посвящённого уничтоженной войной здешней деревни Хацунь. Владимир Владимирович обещал выделить средства на реставрацию подобных объектов, и слово своё Президент сдержал.

В мае же 2019 года в Колпачки прибыл с большой свитой губернатор Орловской области Андрей Евгеньевич Клычков. Он возложил цветы к подножию скульптуры «Женщина-мать с ребёнком». Признаюсь, меня очень обрадовало то, что наш губернатор нашёл время познакомиться с уникальным памятным комплексом в Колпачках – двое его предыдущих коллег так и не успели посетить священное место региона...

Нынешней зимой работники Архангельской сельской библиотеки и Юшинского Дома культуры решили отметить сразу две даты – 78-ю годовщину трагедии в Колпачках и 30-летие памятника. Проведение этих мероприятий наметили на начало февраля 2020 года. Очень хотелось бы видеть в час Памяти среди выходцев из Колпачков и их земляков губернатора области Андрея Клычкова!

В эти дни открывается фотовыставка «ЖИЛА-БЫЛА В ПОЛЯХ ДЕРЕВЕНЬКА...». И.Н. Лукашевич – устроитель выставки с видами мемориала и организатор траурного митинга. Спонсором вернисажа стал депутат Орловского областного Совета народных депутатов Сергей Григорьевич Потёмкин. Фотографии для экспозиции охотно предоставили Галина Жулаева, Инна Лукашевич, Григорий Лазарев, Сергей Чупахин. Посетители увидят фотоматериалы и из архива ОГТРК.

Считаю необходимым заметить, что к такому значимому событию актив мемориала пришёл с довольно содержательным багажом. Ещё в год 70-летия Великой Победы, на выделенные из бюджета средства, памятник в Колпачках был капитально отремонтирован. Под руководством Олега Петровича Руднева – главы Архангельского сельского поселения специалисты укрепили и обшили металлическим сайдингом два шестиметровых горельефа; забетонировали постамент под импровизированной колокольней; металлопрофилем обшили надгробие братской могилы под тремя березами.

В 2018–2019 годы благодаря солидной спонсорской помощи коллективов Орловского Управления Росреестра (рук. Н.Г. Кацура) и Орловского городского детского сада № 45 (заведующая И.В. Карлова) удалось полностью восстановить похищенные мародерами с крестьянских «домов» и братской могилы информационные таблички.

Я неоднократно встречался с работниками этих учреждений и подробно рассказывал им о трагедии 1942 года в Колпачках. Люди дружно откликнулись на зов страдальца-мемориала. Низко кланяюсь им!

Фрагмент памятного комплекса «Женщина-мать с ребёнком»

Добровольных реставраторов в Колпачках каждый раз встречала бессменный проводник и умелый экскурсовод Инна Лукашевич. Она тщательно изучила книгу «Священные камни» и давно знает наизусть схему месторасположения каждого объекта. Инна Николаевна указывала мастерам, где и как крепить новые таблички.

Весной 2019 года при содействии начальника Управления МЧС России по Орловской области Александра Александровича Новикова нам удалось заново воссоздать звуковоспроизводящую аппаратуру на стилизованной «колокольне» мемориала. Выполнили эту трудоемкую работу электронщики Вячеслав Апросин, Евгений Горшков, Валерий Макаров и Николай Семенов. Благодаря Николаю Сергеевичу, мы отказались от электричества, поступающего из Грачёвки по истлевшему подземному кабелю, а стали использовать энергию солнечной батареи, которую Н.С. Семенов безвозмездно предоставил на уникальный объект.

Памятник притягивает к себе и других представителей творческой интеллигенции. Совсем недавно композитор-песенник Анатолий Харасахал на стихи известного в области поэта Виктора Рассохина написал реквием «Орловская Хатынь».

Радиожурналист Юрий Копытов к 78-й годовщине трагедии в Колпачках подготовил очерк, посвящённый деревне-мученице. Скажу откровенно, слушая в эфире его 45-минутный волнующий рассказ, я не мог сдержать слёз...

Большое спасибо всем, кто материально и духовно поддерживает и обустроивает единственный в своём роде в нашей области гражданский мемориал «Убитая деревня»!

Дорогие читатели! Приезжайте в Колпачки, поклонитесь памяти русской деревне-страдалице!

Григорий ЛАЗАРЕВ

Ольга МИГУНОВА,
доктор медицинских и педагогических наук

Ученица Мессинга

Под таким названием недавно по Первому каналу прошёл 16-серийный художественный фильм. Он о судьбе Ольги Мигуновой (Воропаевой), которая часто бывает в Орле с лечебными сеансами. Кто же она, артистка и целительница? Рассказывает Ольга Петровна.

В фильме юную Ольгу Мигунову играет актриса Татьяна Чердынцева

О существовании Вольфа Мессинга я ничего не знала до того момента, как пришла на его концерт. Точнее, до приезда в Геленджик... Я жила на Дальнем Востоке, в Благовещенске. Мечтала стать художником, после школы поступила в педагогическое училище на художественно-графический факультет. Знакомство с Мессингом произошло в тот год, когда я окончила второй курс и перешла на третий. Папа решил, что нам с мамой надо съездить отдохнуть на Чёрное море, и купил путёвки в пансионат. Так мы оказались в Геленджике.

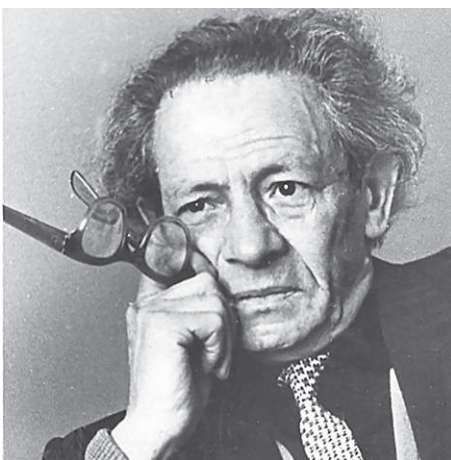
На самом деле ещё до отъезда у меня было какое-то предчувствие, что со мной произойдёт нечто удивительное, помню, даже поделилась мыслями об этом с подругами.

...На пляже вокруг нас все только и говорили о предстоящем концерте известного гипнотизёра Вольфа Мессинга, рассказывали невероятные истории о нём и его фантастических способностях, мол, загипнотизировав охрану, он мог «навестить» в Кремле Сталина, выбраться из тюремной камеры

и получить 100 тысяч рублей в банке, предъявив чистый лист бумаги.

Естественно, мы не смогли устоять перед соблазном увидеть такого человека на сцене. Мама купила билеты на концерт, и в один из вечеров мы пошли на представление — посмотреть на артиста, который умеет читать чужие мысли и может ввести в гипнотический транс любого человека.

И вот мы в зале. Заняли свои места. И начались чудеса! Как только все зрители расселись, вышел Вольф Григорьевич и направился прямо к нам. Подошёл к маме и попросил: «Уведите Олю из зала, она мне мешает, но далеко не уходите, когда концерт закончится, я вас найду». Невероятно! Как он узнал моё имя? Никто ему его не го-

Вольф Мессинг

ворил, значит, он уже знал, как меня зовут? Но как же быть, ведь если он настойчиво просит маму увести меня из зала, значит, мы не сможем увидеть концерт... Но всё же мы подчинились его воле.

Через два часа парк наполнился восторженными зрителями, выходящими из зала. Они эмоционально обсуждали только что увиденное зрелище и пытались найти объяснение феноменальным номерам Мессинга. А я сидела на скамейке и плакала от обиды, что всего этого не видела. Мама, как могла, пы-

талась меня утешить. Но тут произошло ещё одно чудо — Вольф Мессинг нашёл нас и сказал маме: «Оле нужно ехать в Москву. Работать на эстраде. Девушка на эстраде — явление уникальное». Эту фразу я на всю жизнь запомнила. Мама отшутилась: «У меня в каждом классе таких артистов — по два десятка». Он продолжил: «Я через два месяца приеду в Благовещенск с концертами, тогда поговорим об этом ещё раз».

Вернувшись домой, я рассказала подругам о том, с какой знаменитостью познакомилась в Геленджике. Но постепенно страсти улеглись, встреча забылась. Прошло два месяца, и в городе действительно появились афиши Мессинга. Родители купили билеты на концерт, после которого пригласили артиста к нам домой. Он пришёл и напомнил о том разговоре в Геленджике, мол, надо Оле перебираться в Москву, учиться выступать на эстраде. Отец был против. Но спустя несколько месяцев папа вдруг сам сказал: «А не пора ли Оле в Москву съездить?» Мама добавляет: «Я её вещи уже собрала». Ну а я к тому моменту успела перевестись на заочное отделение педагогического училища. Почему вдруг родители решились на мой отъезд в столицу? До сих пор не понимаю. Я тогда об этом особенно не задумывалась. Но, анализируя эту ситуацию сейчас, могу предположить одно — без Мессинга тут не обошлось.

Села на поезд и через несколько дней (напомню, я родом с Дальнего

На юбилей Ольги Мигуновой в 2010 году

1985 год. Магадан «Вам холодно!»

Востока), ранним утром, прибыла в Москву, на Белорусский вокзал. В руках — деревянный чемоданчик, покрытый дерматином. Меня встретил папин брат, он тогда служил в Генштабе. Родители договорились, что я буду жить в его семье. В тот же день поехала к Мессингу, на Новопесчаную улицу, где находился его дом. Я и сейчас плохо ориентируюсь в московском метро, а тогда, приехав в Москву впервые, я быстро добралась до дома Вольфа Григорьевича. Как будто меня кто-то вёл...

Довольно долго звонила в его квартиру. Наконец он открыл дверь, заспанный. Мой звонок его разбудил. Но, невзирая на ранний визит, пригласил меня в дом. В гостиной меня поразил огромный портрет его жены Аиды, которая умерла за несколько лет до моего знакомства с Мессингом. Её образ преследовал меня потом очень долго.

В доме известного артиста не было и следа от роскоши в советском понимании. Не увидела я ни пластинок Майи Кристалинской, ни Муслима Магомаева — популярных в то время эстрадных исполнителей. Зато было очень много книг...

Мессинг накормил меня гречневой кашей со шкварками — его любимое блюдо. Первое впечатление, которое сохранилось у меня на всю жизнь, его радушный приём, при этом в манерах никакой «звёздности», как сказали бы

сегодня. Он был невероятно сложным человеком, но при этом и очень простым. В тот день Вольф Григорьевич уезжал на гастроли.

Когда Мессинг вернулся в столицу, начал учить меня секретам ремесла. Занимались каждый день, с утра до вечера. Каждое утро я неслась к нему на Новопесчаную. Это были изнурительные занятия. Ведь я тогда ничего не умела, но Вольф Мессинг почувствовал, разглядел во мне некий дар, необычные способности. Они передались мне от бабушки, которая была травницей, знахаркой и дожила до 103 лет.

На протяжении многих часов он заставлял меня работать его индуктором. Скажем, я прятала какую-то вещь. Мессинг не знал, какую и куда. Он брал меня за руку, закрывал глаза, и я мысленно говорила ему, что спрятали и где. Вольф Григорьевич считывал мои мышечные импульсы, получая таким образом от меня информацию.

Однажды Мессинг позвал меня на свой концерт. Я впервые увидела, как он укладывает человека на «каталептический мост». В тот раз он выбрал хрупкого юношу. Вольф Григорьевич сначала ввёл в его транс, потом положил его голову на спинку одного стула, под пятки подставил другую. Его тело оставалось прямым, как струна. На него сверху сел 120-килограммовый мужчина. Я в ужасе замерла. Но тело того худенького паренька даже не шелохнулось под этой невероятной тя-

Знаменитый «каталептический мост»

жестью. Этот номер, который я видела впервые, произвёл на меня очень сильное впечатление.

...Вольф Григорьевич учил меня многому, и не только в профессии. Например, как правильно одеваться, красиво двигаться на сцене, учил азам

Ольга Мигунова с актрисой Татьяной Чердынцевой

сценической речи. Ведь я была обычной провинциальной девочкой...

Моя первая поездка за рубеж вместе с Мессингом состоялась в Болгарию. Помню, у меня было всего несколько часов, чтобы пробежаться по магазинам. В одном из них увидела красивейшее платье, расшитое серебристыми пайетками, и необычного кроя — с русалочьим хвостом. Я рассказала о нём Вольфу Григорьевичу. А он запретил мне его покупать, но я ослушалась. На первом же концерте кто-то наступил на хвост моей обновки и оторвал его.

В другой раз мне очень понравились чёрные чулки в сетку. Надела красное бархатное платье, чулки и туфли. Когда Мессинг увидел меня, то замахал руками, мол, немедленно переоденься, куда ты в таком виде собралась?

Я зарабатывала по 400 рублей в месяц, 3 рубля за концерт (у нас в месяц было по 90–100 концертов), и суточные — 2 рубля 50 копеек.

Помимо концертной нагрузки я стирала Вольфу Григорьевичу одежду, крахмалила его концертные рубашки. Убирала квартиру, готовила,

если мы были не на гастролях. Когда у Мессинга были гости, после них мыла посуду. Я ужасно не высыпалась, уставала физически. Но это была школа мужества, о которой я ни разу не пожалела.

Постепенно Вольф Григорьевич на-

Ольга Мигунова с дочерью Светланой

чал вводить меня в свои номера. Я стала его ассистенткой.

В те годы его способностями очень интересовались в Кремле и на Лубянке. Время от времени за ним приезжали какие-то безликие люди в одинаковых костюмах и увозили куда-то. Но он ни разу не обмолвился мне о том, к кому и зачем ездил. Когда возвращался, выглядел очень уставшим, в такие моменты он был больше похож на дряхлого старика. Но спустя несколько часов, отдохнув, снова становился прежним.

При этом вызвать его могли в любой момент, даже во время выступления на публике. Поэтому как-то сказал мне, что, если такое случится, я должна

буду провести концерт без него. Если честно, я не воспринимала эти слова всерьёз. Но однажды...

Мы отработали первое отделение, закончился антракт, пора на сцену, а Мессинга нигде нет. Я в ужасе мечусь, пытаюсь его найти. Но всё безрезультатно. Публика в напряжении. Что делать? Выхожу и пытаюсь работать одна. Вызываю на сцену добровольца и пытаюсь уложить его на каталептический мост. С первого раза ничего не получается. Я в ужасе! Но тут вспоминаю слова, которые обычно говорил мне Мессинг в таких ситуациях. Произношу их и — о чудо! — человек замирает и ровно ложится на спинки двух стульев. Выдыхаю, осторожно оглядываю зал и вдруг вижу в ложе учителя. Сидит с довольным лицом. Выходит, это были мои выпускные экзамены?!

Так я начала работать на сцене самостоятельно. Но всё то, чему меня научил мастер, помню до сих пор.

Я работала с Мессингом пять лет. А потом сорок лет — без него.

... Мессинг утверждал, что, когда немецкая армия оккупировала Польшу, его голова была оценена в 200 тыс. марок, он предсказал гибель Гитлера, если тот повернёт на Восток. Однако никаких доказательств этому не существует.

Мессинг якобы встречался в 1940 году в Гомеле со Сталиным, интересовавшимся положением в Польше, встречами Мессинга с руководителями страны. Подобные встречи со Сталиным проходили и позднее, в том числе и в Москве. Но обнаружить документы, подтверждающие подобные встречи, не удалось.

Есть легенда, что как-то Мессинг по просьбе Сталина, загипнотизировав кассира Госбанка, подал ему пустой лист и получил у него же 100 тыс. рублей. Но в то время порядок выдачи денег в Госбанке был совсем другой: чек подают бухгалтеру, у которого денег нет. Этот документ тщательно проверяется ревизором, далее чек попада-

Дача и природа релаксируют и заряжают хорошим настроением

ет к кассиру, который готовит документы и деньги.

...Много лет я выступала на эстраде, являясь единственной женщиной-гипнотизёром. Потом ко мне стали приходить толпы посетителей, умоляя вылечить от той или иной болезни. Пришлось получить медицинское образование, потому что без диплома такая практика считалась незаконной. Постепенно освоила многие лечебные методики, которые вкупе с гипнозом приносят потрясающие результаты. Вот и в Орле я уже была более 30 раз, люди продолжают приезжать вновь и вновь. Согласитесь, если бы мои сеансы не помогали, они бы не приходили...

Культурно-лечебный центр Ольги Мигуновой

Место проведения: г. Москва

Контактный телефон: +7(985)760-47-97

Александр ФЕДОТОВ,
член Союза журналистов России

ТАЙНА ДРЕВНЕГО КУРГАНА

Детская память обладает удивительными свойствами отсеивать всё ненужное, а потом восстанавливать главные события, но уже в зрелом возрасте.

... Наспелвал тихий вёсенний вечер. Натруженное за день солнце медленно растворялось за облачным горизонтом. Вслед за ним затихала и сельская жизнь. И только майские жуки проявляли необычную активность да детвора, которая бегала, орала, ловила эти маленькие аэропланчики, сажала в спичечные коробки, а потом, приложив к уху, слушала их шуршание. У дедов это было особое время. Натрудившись за день на колхозных полях и в своём огороде, они собирались в саду на вечерний разговор. Порой, крикая, пропускали по стаканчику свекольной самогонки. Тогда к ним не подходил: гнали мальчишек от себя в три шеи. А бывало сойдутся вместе, рассядутся на завалянке и молча начнут потягивать свои самокрутки, пуская в вечернюю истому затухающего дня клубы ядрёного махорочного дыма.

Однажды мы, послевоенные пацаны, невольно подслушали их разговор. На этот раз он шёл ни о повседневных делах деревни, Сталине, Германии, а о каком-то древнем кургане, который находился недалеко от деревни Кишкино. Что такое курган, мы и понятия не имели, но когда дед Василий спросил у сидевшего рядом Григория про какие-то сокровища, мы сразу же навострили уши.

– Сказывали, – начал он, – что про эти сокровища и немцы прознали, хотели даже взорвать курган, но когда наши их в сорок третьем попёрли от Кривцово к Болхову, хвашистам не до этого было. Но тут вступил в разговор дед Петро.

– Я также слышал об этой легенде. Но толком не могу понять, почему в кургане спрятаны сокровища разбойника Кудеяра. Ведь что такое курган? Это могильник.

– Петро, – в том-то и дело, что непонятно. А сказывали ещё наши прадеды, хитрость у этого разбойника была, чтобы никто не догадался...

Затаив дыхание, мы слушали разговор дедов. Но тут, на самом интересном месте, нас позвали родители. Не знаю, как спали мои сверстники, но мне всю ночь снился разбойник с длинными усами, чёрной бородой и большой изогнутой саблей, от чего я прятался с головой под одеяло.

На следующий день мы, не сговариваясь, направились к знакомой завалинке, где обычно собирались старики. Но их не оказалась, и только баба Марфа время от времени выходила во двор, гремя ведрами.

– Бабуль, а где дедушка Григорий?

– Приболел окаянный. За водой некому сходить, скот напоить.

Мы быстро натаскали бабule воды и оказались в хорошем расположении хозяйки.

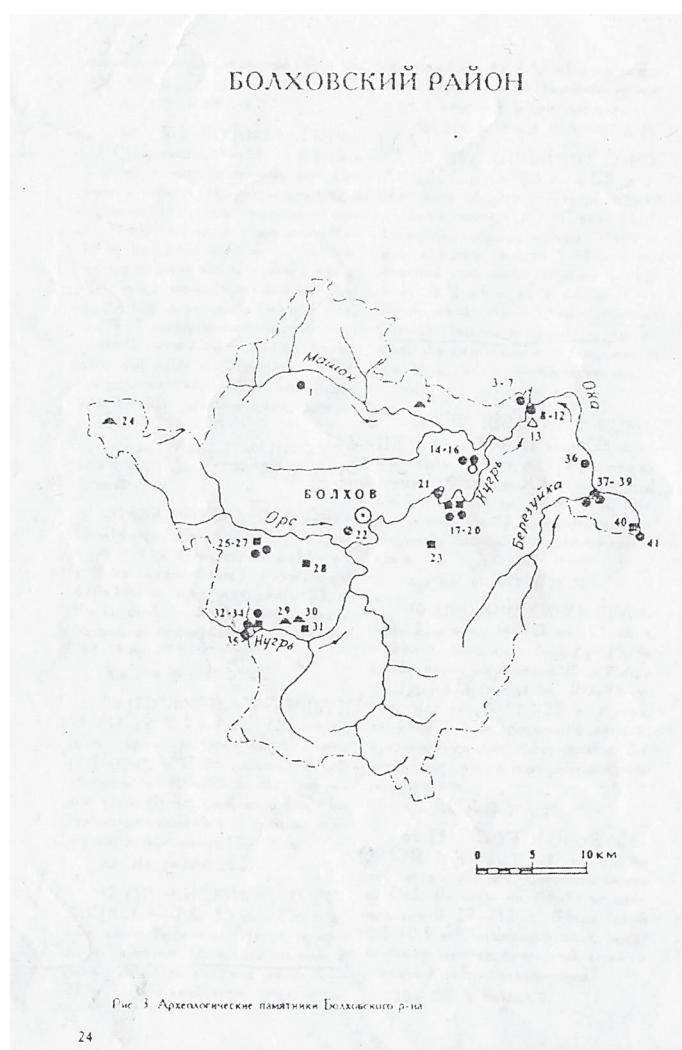
– А зачем вам нужен дед?

Не стали врать:

– Слышали, как они вчера про какой-то курган сказывали.

– Ладно, так и быть, скажу ему...

Несколько дней мы ожидали выздоровления деда. К другим не стали обращаться, поскольку знали характер каждого, а у родителей было опасно спрашивать. В деревне всем было известно, что дед Григорий воевал танкистом, почти дошёл до Берлина, но его тяжело ранило и после госпиталя

с орденами и медалями вернулся в родную деревню. Он редко ругал нас за краденые у него в саду малиновку – яблоки сладкие, сочные, вкусные, которые мы набирали за пазуху. Но только просил, чтобы не ломали ветки.

Наконец, счастье улыбнулось. Катая обручи по пыльной дороге, мы неожиданно увидели деда Григория. Он сидел на завалинке и, не торопясь, потягивал самокрутку. Окружили его. Поздоровались.

– Знаю, знаю, сорванцы зачем пожаловали, Марфа сказывала. За помощь спасибо.

Мы, наострив уши, приготовились слушать про древний курган, но дед молчал.

– Дедушка, Григорий, а что, этот разбойник, на самом деле жил и спрятал сокровища?

– Ладно, так и быть расскажу, что слышал от своего деда. Знаю, что вы от меня всё равно не отстанете. Только не сегодня. Видите, уже смеркается, да и родители скоро позовут. Завтра приходите, как только с поля вернусь.

Радости не было предела! Не ожидая родительских призывов «домой!», мы рассыпались по хатам в ожидании скорейшего наступления нового дня.

Дед Григорий нас не обманул. Расседлав лошадь на конюшне и смазав дёгтем оси телеги, на которой подвозил корма на фермы, он неспеша направился к дому. Мы издали следили за каждым его шагом. Вот он зашёл в сенцы, что-то сказал бабе Марфе и направился к своему излюбленному месту – завалинке, возле которой мгновенно оказались и мы. Дед ничего не сказал. Молча достал кисет, оторвал небольшой кусочек от старой газеты, ловким движением скрутил её, послуныявил края, насыпал табака и медленно закурил. А потом произнёс:

– Видите, где солнце садится? – показал он рукой. – В той стороне от нашей деревни когда-то росли дремучие леса. Там было меньше всякого зверья, но зато и очень много разбойников. Они были не только в наших краях. И в Калуге, и в Туле. И к Рязани приходили, Ельцу, Воронежу и Смоленску. Везде Кудеяр побывал, везде свои станы расставил и много кладов позарыл. Хранил сокровища в кладовых внутри горы за железными дверями. Внутри горы вёл узкий, извилистый и невысокий подземный ход, который, как рассказывают, тянулся внутрь сажень на сто. Чтобы в горе воздух был лёгкий и можно было разводить костёр, незаметно тянулась специальная труба... Очень много сокровищ спрятал в разных местах Кудеяр со своими разбойниками. Один из таких кладов, как гласит легенда, спрятан в кургане недалеко от нашей деревни. А грабили разбойники купцов и бояр. Скопили они казну богатую: много золота, бочки серебра и камней самоцветных, другого добра. Часть своего богатства раздавал бедным. Но очень много осталось после его смерти.

Затаив дыхание, мы слушали деда Григория, представляли, как Кудеяр со своими разбойниками грабит, прячет богатства. Дед неожиданно прервал свой рассказ. Его позвала Марфа к ужину. Он тяжело встал с завалинки, а нам приказал разбегаться по домам.

На следующий день утром мы, не договариваясь, встретились у старого тополя – на пятачке, где обычно по вечерам собирались парни и девчата: щёлкали семечки, невестились, женихались и под гормошку танцевали до утра. Рассказанная дедом история о сокровищах и кургане и наше богатое воображение не давали покоя. И мы, ни слова не говоря родителям, решили заняться его поиском. Из рассказа

деда поняли, что курган расположен недалеко от деревни и большака, ведущего в город Болхов, а самое главное – поблизости от реки Нутрь. И не ошиблись. Вооружившись четырёхгранными штыками от советских винтовок (а этого добра мы очень часто находили в окопах), лопатами, пройдя примерно три километра от деревни, а так же смешанный лес, мы неожиданно увидели курган. Закричали, запрыгали от радости. Курган показался нам огромным сооружением. С его вершины были видны дальние окрестности. Насмотревшись и нарадовавшись своему успеху, стали искать вход в подземелье, штыками искололи многие участки земли у подножья. Поработали лопатами, но ничего не нашли. И вот тогда кому-то из нас пришла ужасная мысль: а что, если взорвать курган, чтобы найти вход в подземелье. Проблем с взрывчаткой не было. В наших краях во время войны шли ожесточённые бои. Особенно, как я позже узнал, – при освобождении Болхова, который называли «северной крепостью орловской группировки немцев». После захвата дальних подступов к этому старинному городу и освобождения некоторых населённых пунктов, наши соединения вышли на рубеж Березово–Татариново–Кишкино. И нанесли фланговые удары по врагу. Однако неприятель стянул сюда часть дивизий и все резервы с соседних участков. Завязались ожесточённые бои, о чём красноречиво напоминает сегодня Кривцовский мемориал. Но об этом многие из нас узнают позже. А тогда мы, семилетние и десятилетние мальчишки, ходили по местам сражений в районе своей деревни, вопреки строжайшим запретам родителей, собирали мины и снаряды (а их даже тогда было достаточно), хотя каждый раз приезжали минёры, увозили опасные находки и взрывали далеко от населённых пунктов. После дождей и весенних вод они вновь появлялись и зловеще сверкали на солнце. Каждую мину мы аккуратно несли к подножью кургана. Это продолжалось не один день. И, конечно, в особой от родителей тайне. И вот, наконец, появилась большая гора из разных снарядов, а не ней много хвороста, дров и разного сухостоя. Подожги солому. Убежали далеко в овраг. Взрыв прогремел чудовищной силы. Взрывная волна прошла над нами и докатилась почти до середины деревни. Испуганные, но живые и невредимые, мы вернулись домой. Притаились. На следующий день приехал дядя милиционер. Он обходил каждый дом. Пришёл и в наш – к сыну заслуженной сельской учительницы. О чём он спрашивал тогда, точно не помню, но хорошо уяснил: ухо потом долго болело... Позже мы набрались смелости и, как говорится, втихаря проникли к кургану. У подножья его была огромная воронка. Однако входа к таинственным сокровищам так и не обнаружили...

Прошло почти семьдесят лет. Исчезли в тумане времени сельская школа, где моя мама учила детей до пятого класса, растворились многие населённые пункты, да и деревня Кишкино сегодня сохранила лишь своё название. Но каждый раз, проезжая по «убитой», а вернее, до предала разбитой тяжёлыми автомобилями «Мираторга» дороге, в сторону Кривцовского мемориала, чтобы поклониться погибшим нашим бойцам, посматриваю в сторону древнего кургана. Он до сих пор так и не раскрыл своей тайны. А может, и вовсе нет никакой тайны? Да и жил ли на самом деле разбойник Кудеяр? А, может, его сокровища – всего лишь легенда... Поэтому я вновь решил вернуться к волнующей с детства темы, но уже спустя многие годы.

(Окончание следует)

Весна ещё пронизана тоскою...

Ольга Аристарина родилась и выросла в Краснозоренском районе Орловской области. С золотой медалью окончила школу. С красным дипломом окончила Орловский государственный университет – отделение журналистики филологического факультета. Работает в сфере массовых коммуникаций.

Обладатель Гран-при Всероссийского конкурса «Спасите пушкинский язык!» (2019).

В издательстве «3-е ИЮЛЯ» готовится к выпуску первый сборник иронических рассказов Ольги Аристариной – «Искушение». Но молодой талантливый автор уже пишет новые рассказы, которые, надеемся, войдут во вторую книгу. Но ещё она и тонкий лирический поэт. Некоторые стихи талантливого автора предлагаем вашему вниманию.

Ольга АРИСТАРИНА

Анютины глазки

Задыхаясь от слов и ласки,
Песен ветра и трелей птиц,
Улыбались анютины глазки
Из-под пышных густых ресниц.
Плыло небо в хмельной истоме,
Счастлив каждый такой поре.
Солнце, птицы, жара, раздолье,
Поцелуи в душистой траве.
Не забудешь своей Анюты?
Не забуду твои глаза!
Одуванчиков парашюты
Растревожила стрекоза.
Никогда так не пахло мятой,
Не трезвонили соловьи,
И поляны с травой измятой
Не кричали так о любви.
Торжествуя, закат склонялся,
И скрипела седая ель.
Пьяный ветер весь день шатался.
Прогоняя безумья хмель.
Кто же знал, что не вечно лето,
Что утихнет пожар небес,
И полоской седой рассвета
Будет тлеть в отдаленье лес.
Кто же знал, что листы срывая
Ветер снимет чужие маски...
На полянах, росу роняя,
Отцвели уж анютины глазки...

Ночь набросила пальто на город,
Убаюкала дома бесцветные,
Выдохнуть успела синий холод
На пылинки звёзд, едва заметные.
Запретила ночь кричать и каяться,
Вспоминая счастье уходящее,
И глядит, как окна зажигаются, –
Тёмная, глухая, настоящая...

Любовь актрисы

Ты мой идол. И ты мой храм.
Ты кумир: сотворила – верю.
Я кидаюсь к твоим ногам –
То ли к ангелу, то ли к зверю.

Ты мой жертвенник, мой алтарь.
Если хочешь – я жертвой лягу.
Хоть целуй меня, хоть ударь –
На служенье дала присягу.

Если надо, в моей крови
(Ведь тебе не пристало лгать мне)
Утоли, мой царь, утоли
Дикой жажды своей проклятье.

Если хочешь, то в мир небес
Ты меня возведи святою.
Тёмный ангел, мой светлый бес,
Я не стою тебя, не стою.

И не знаю, каким Богам
Во грехе я молиться буду.
Я кидаюсь к твоим ногам
И внимаю тебе как чуду.

Весна ещё пронизана тоскою,
Ещё не верится в зелёное и белое.
И мы твердим наперебой с тобою,
Что даже солнце «будто недоспелое».
Ушла зима, весна-то не торопится...
Стоит в лесу эпоха безвременья...
Тулуп забыт, но печь привычно топится.
Того гляди – придёт хандра осенняя.
Быть может, это шанс дарован вьюгам
Вновь утопить весь мир в колючем инее...
Давай с тобой наполним мир друг другом мы,
Давай поверим в жёлтое и синее.